

ISSN 24

Журнал

№ 7-8, 2015

РОССИЙСКИЙ КОЛОКОЛ

Литературный журнал

Московская городская организация

Коллектив авторов
Российский колокол №7-8 2015
Серия «Журнал «Российский колокол» 2015», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17203480

*Журнал «Российский колокол» №7-8 2015: Московская городская организация Союза писателей
России; Москва; 2015*

Аннотация

Давайте знакомиться! Я – Анастасия новый шеф-редактор этого творческого издания. Со многими из вас, кстати, мы уже познакомились заочно, во время подготовки этого выпуска: с кем-то было «живое» общение по телефону, а с кем-то – переписка посредством электронной почты. Но тоже живая, эмоциональная, легкая и непринужденная.

И сегодня, когда журнал готов, я, пролистывая номер, чувствую, как от его страниц веет теплом. По-другому просто не может быть, ведь среди круговорота букв на его страницах скрывается часть души, жизни, эмоций авторов. Ваше творчество еще раз убеждает, что Жизнь каждого из нас – это уникальная история с индивидуальным контекстом и неповторимыми героями. В этом же круговороте нам встречаются сценарии человеческих судеб – невыдуманные и реальные; пережитые события, о которых хочется рассказывать; пережитые эмоции. И удивительно, насколько по-разному каждый автор растолковывает ключевые понятия, на которых все держится – любовь, добродетель, искренность и справедливость.

И я счастлива, что номер получился разнообразным по жанрам, эмоционально живым и искренним! А еще я счастлива оттого, что с этого номера и впредь я вместе с вами, уважаемые авторы, буду работать над созданием выпусков журнала, а вы будете на страницах «Российского колокола» говорить о том, о чем хочется, – о самом лучшем и радовать читателей своими творческими и жизненными изысканиями...

Содержание

Слово редактора	4
Современная проза	6
Сергей Лукьяненко	6
Только небо, только ветер...	7
Цена вопроса	13
Юрий И Nikитин	21
С греками – навек!	21
Дети патриотов	23
Непыльная работенка	26
О пользе хорового пения	28
Страшный сон	31
Брат Иван и духовная скрепа	33
Критика	37
Лев Аннинский	37
Краеугольные вопросы	38
О чём речь?	38
Среда и Судьба	39
Какая мы империя	41
«Жить спокойно»?	43
Точка невозврата?	45
Культурология	48
Анатолий Апостолов	49
Математическое стиховедение	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Журнал «Российский колокол» № 7–8 2015

Слово редактора

Анастасия Лямина

Шеф-редактор журнала «Российский колокол»
Публицист, журналист.

И снова – здравствуйте!

Рада приветствовать всех авторов и читателей очередного выпуска журнала «Российский колокол».

Страница редактора, где сейчас вы читаете эти строки, долго оставалась пустой. И вовсе не потому, что мне не о чем говорить, – первые 2 месяца моей работы в должности шеф-редактора «Российского колокола» были насыщенными: событиями, мыслями, которыми хотелось делиться; общением и разговорами с интересными и творческими людьми, к которым хотелось возвращаться каждый день!

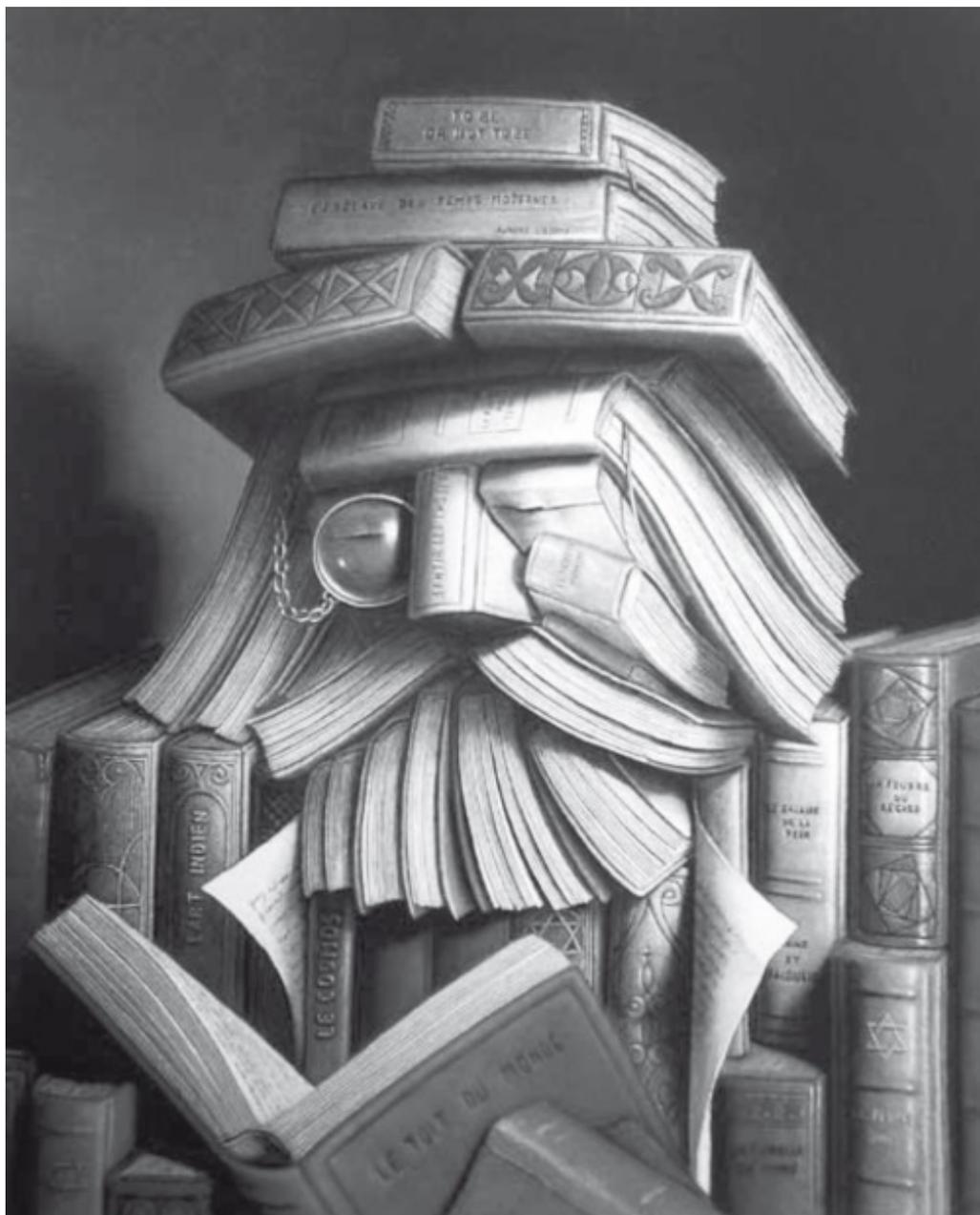
Давайте знакомиться! Я – Анастасия новый шеф-редактор этого творческого издания. Со многими из вас, кстати, мы уже познакомились заочно, во время подготовки этого выпуска: с кем-то было «живое» общение по телефону, а с кем-то – переписка посредством электронной почты. Но тоже живая, эмоциональная, легкая и непринужденная.

И сегодня, когда журнал готов, я, пролистывая номер, чувствую, как от его страниц веет теплом. По-другому просто не может быть, ведь среди круговорота букв на его страницах скрывается часть души, жизни, эмоций авторов. Ваше творчество еще раз убеждает, что Жизнь каждого из нас – это уникальная история с индивидуальным контекстом и неповторимыми героями. В этом же круговороте нам встречаются сценарии человеческих судеб – невыдуманные и реальные; пережитые события, о которых хочется рассказывать; пережи-

тые эмоции. И удивительно, насколько по-разному каждый автор растолковывает ключевые понятия, на которых все держится – любовь, добродетель, искренность и справедливость.

И я счастлива, что номер получился разнообразным по жанрам, эмоционально живым и искренним! А еще я счастлива оттого, что с этого номера и впредь я вместе с вами, уважаемые авторы, буду работать над созданием выпусков журнала, а вы будете на страницах «Российского колокола» говорить о том, о чем хочется, – о самом лучшем и радовать читателей своими творческими и жизненными изысканиями...

Современная проза

Сергей Лукьяненко

Сергей Лукьяненко – русский писатель-фантаст, родился 11 апреля 1968 г. в Казахстане. По профессии врач-психиатр. Первые книги вышли на рубеже 80–90 годов. Известность писателю принесли повести «Рыцари сорока островов» и «Атомный сон». Первая НФ публикация – «Нарушение» («Заря», Алма-Ата, 1988).

Также у автора можно выделить трилогию «Линия Грез» – «Императоры Иллюзий» – «Тени снов» как весьма и весьма нетрадиционную космическую оперу, для которой определили жанр «философско-космическая опера», трилогии «Сегодня, мама!» и «Лорд с планеты Земля». Начиная с 1997 года все более-менее значимые произведения стали доступны в виде книг.

Говоря о произведениях Лукьяненко, нельзя не отметить роман «Лабиринт отражений», ставший культовой книгой в русском Интернете.

Свой жанр писатель определяет как «Фантастику жесткого действия» или «Фантастику Пути».

Помимо большого числа других литературных премий, в 1999 году Сергей Лукьяненко стал самым молодым на нынешний день лауреатом «Аэлиты» – старейшей отечественной премии, присуждаемой за общий вклад в развитие фантастики.

Сергей женат и вместе с семьей проживает в Москве. У Сергея и Софии Лукьяненко двое сыновей, Артемий и Даниил, и дочь Надежда.

Только небо, только ветер...

– Три миллиона жизней – это плата за независимость?!

Президент смотрел с экрана строго и серьезно. Будто ждал ответа. Артем смотрел на президента – ему было интересно. Маме, похоже, не было – она мыла на кухне посуду. Шумела вода, гремели тарелки. Мама напевала старую детскую песенку: «Взлетая выше ели... Не ведая преград... Крылатые качели...»

– Мама, потише! – попросил Артем.

– Да, это плата за независимость! – твердо сказал президент. – И мы ее добьемся. Через год население нашей страны должно увеличиться на три миллиона человек! Это наш патриотический долг!

– Совсем с ума сошли, – почти весело сказала мама. Оказывается, она все-таки слушала. – У нас отрицательный прирост рождаемости.

– Отрицательный – это уже не прирост! – сказал Артем.

– Так говорят, – вздохнула мама.

– Нас – сорок семь миллионов, – продолжал президент. – Надо, чтобы было пятьдесят. С этой целью мной разработаны следующие программы. Родить в течение года обязаны...

– Это какая-то ерунда, – сказала мама. Она даже бросила посуду и вышла в комнату, вытирая руки кухонным полотенцем. – Нельзя рожать по приказу.

– ...семьи, в которых один ребенок... – перечислял с экрана президент.

– О! – сказал Артем. Ему стало смешно. – Мама, у меня будет братик или сестричка? Мама легонько шлепнула его полотенцем по затылку.

– ...образовать временную патриотическую семью юноши старше шестнадцати и девушки старше пятнадцати...

– Мама, а я, оказывается, женюсь! – захихикал Артем.

Ему было смешно. Президент часто говорил с экрана глупости. Ну, сказал еще одну – будет о чем поржать с ребятами...

– Школу вначале закончи, жених! – мама тоже улыбалась. Но как-то встревоженно. И смотрела на экран телевизора, где президент продолжал говорить о патриотическом долге. Артем, прихрамывая, встал, пошел на кухню за чаем.

– Нога болит? – спросила мама.

– Да не, нормально, – Артем постарался идти тверже. – Все нормально, мам.

– В конце концов, должны быть какие-то послабления для... – мама замялась.

– Для инвалидов? – спросил Артем жестко. – Я пойду, выгуляю Рекса.

Рекс, до этого тихо дремлющий в кресле, тяжело соскочил, подошел к Артему, ткнулся мокрым носом в ладонь. Артем посмотрел в слепые собачьи глаза, погладил пса по загривку.

– Вот тебе все равно, хромой я или нет, верно, Рекс? – спросил он.

– С другой стороны, – внезапно сказала мама чужим голосом, – в этом есть и плюсы. Временная семья может стать и настоящей.

– А так за меня никто замуж не пойдет, да? – спросил Артем. – За инвалида хромого? Ты это хотела сказать?

Мама ушла на кухню. Она всегда так поступала, если назревал конфликт – уходила на кухню и начинала перемывать посуду. Когда от них ушел отец, мать мыла посуду два дня подряд, даже золоченый ободок с тарелок стерся.

Артем нацепил Рексу поводок и вышел во двор. Там болтались Алеха и Тим. Алеха тут же замахал рукой, крикнул:

– Эй, Хромой, тебе шестнадцать есть?

– Месяц как исполнилось, – ответил Артем подходя. Рекс отбежал на всю длину поводка и присел в кустах.

– Повезло, – огорчился Алеха. – А мне только через полгода... не дадут жену, сволочи... Почему такая дискриминация? Девкам с пятнадцати, а парням с шестнадцати?

– Да чушь это все, – сказал Артем. – Никого женить не будут, вот через месяц сами увидите.

– Артем! – классная подождала, пока он встал. – У меня к тебе серьезный вопрос.

– Ну? – уже зная, о чем пойдет речь, буркнул Артем.

– Месяц прошел с тех пор, как наш дорогой президент объявил о патриотической программе.

Артем смотрел в окно. Клены на школьном дворе совсем покраснели, вот-вот листья начнут осыпаться...

– Все ребята уже определились. Все сыграли свадьбы. Сколько ты будешь тянуть?

– Я маленький еще, – сказал Артем.

Класс захохотал – Артем был самым высоким.

– Юморишь, – кивнула классная. – Вижу. А ты в курсе, что на следующей неделе тех, кто уклоняется от патриотического долга, будут вывозить в специальные лагеря и женить?

Артем пожал плечами. В это он все-таки не верил. То есть верил, но не до конца.

– Я желаю тебе только добра, – смягчилась классная. – Ты умный хороший мальчик.

– К тому же хромой, – кивнул Артем.

– Да, – беспощадно подтвердила классная. – Тебе надо закончить школу. Так что... – ее взгляд пробежал по партам. Все затихли. – Добровольцы есть?

– На что? – спросил Никола. Он был туповат.

– Ты не годишься, – под общий хохот отрезала классная. Жена Николы, Олеся, пихнула его в бок и покрутила пальцем у виска.

– Так, добровольцев нет... – палец классной забегал по списку. – Галина... Оля... Света...

– Я с Борькой из параллельного женюсь! – быстро сказала Галина. – Мы утром с ним договорились.

– Оля... Света... – классная задумалась. – Артем, кто тебе больше нравится?

– Вы, – сказал Артем. Ему все еще казалось, что ситуацию можно обратить в шутку.

– Я замужем, – ответила классная без тени улыбки. И у Артема вдруг похолодело в животе. – Света. Она и по математике тебя подтянет. А ты ее по английскому.

– Юлия Тимофеевна! – воскликнул Артем.

– Властью, данной мне указом президента, – буднично сказала классная, – объявляю вас, Артем и Света, мужем и женой. Где будете жить, у Артема или у Светы, определитесь сами. Но учтите, жить вы обязаны вместе!

Артем посмотрел на Свету. Маленькая, тихая, она покраснела до корней волос. Артем почувствовал, что тоже краснеет.

– И помните, что если через два месяца тест не даст положительных результатов, – зачем-то вполголоса добавила классная, – вам будет оказана медицинская помощь. Артем, бери портфель и садись к жене.

Из школы они шли вместе. Шли и молчали. Света жила по соседству, Артем знал ее с первого класса. Ну... как сказать «знал»? Видел. Разговаривал... иногда. Снежками кидался.

– Помнишь, мы в третьем классе спектакль ставили? – спросила вдруг Света.

– Какой?

– Про недород. Ты был злым комиссаром, а я селянкой, у которой ты отобрал хлеб.

– Не помню, – признался Артем.

– Ты меня тогда взял за руку, – сказала Света.

– И ты помнишь? – поразился Артем.

– Ага.

Они опять пошли молча. Потом Артем решительно забрал у Светы портфель.

– Спасибо, – сказала она.

– И тебе спасибо, – признался Артем.

– За что?

– За то, что не стала говорить «не надо, я сама, ты же хромой...»

– Ну и что, что хромой? – Света пожалала худенькими плечиками. – Ты мужчина. И ты мой муж.

Она снова покраснела. Артем понял, что надо брать инициативу на себя.

– Где жить-то будем? У твоих или у моих?

– У тебя своя комната есть?

– Есть.

– А я с братом живу в одной.

– С братом? – удивился Артем.

– Он маленький еще, ему семь...

– Тогда лучше у меня, – сказал Артем. – Я живу вот там...

– Я знаю, – сказала Света. – Вон твоё окно... Я только вещи соберу и приду. А ты пока маму предупреди.

– Тебе не надо помочь? – спросил Артем вслед. Света только покачала головой – косички смешно запрыгали на плечах.

К приходу Светы Артем как раз успел убраться в комнате. Мама порывалась помочь вымыть пол, но он справился сам. И тахту от собачьей шерсти пропылесосил. И на компьютере постирал всякие фотки, которые могла увидеть Света. И даже окно протер.

Света пришла с большим чемоданом и рюкзаком на плечах. Мама открыла дверь, быстро забрала вещи и крепко обняла ее. Сказала радостно:

– Теперь это твой дом, доченька... Поймай, что это?

Под глазом у Светки был большой синяк.

– Это папа, – сказала Света спокойно. – Мой папа. Он очень расстроился.

– Но ты же ни при чем, это президент велел! – воскликнула мама.

– До президента ему не добраться, а я рядом была, – ответила Света. – Можно я умоюсь?

– Да, да, конечно... – засуетилась мама. – Вот сюда...

– А тапочки надевать?

– Как хочешь, мы дома без тапочек ходим...

Мама вошла в ванную вслед за Светой – они пустили воду и стали о чем-то шушукаться. Артем пожал плечами и захромал к телевизору. Передавали сплошь репортажи из загсов, ток-шоу о счастье материнства и детские фильмы. Артем пожал плечами, взял со стола газету и стал читать. В газете, в принципе, было то же самое.

– Вот это настоящая семейная жизнь, – сказала Света входя. Синяк ей мама закрасила тональным кремом. – Муж с газетой перед телевизором...

Артем не сразу понял, что она шутит.

– Я думал, ты совсем без чувства юмора, – сказал он.

– Поможешь мне с иностранными? – попросила Света.

– Конечно, – Артем отложил газету. – А что именно?

– Фьючеперфектпрогрессив. По английскому. Никак не разберусь. И с деепричастными оборотами в русском.

– Сейчас, – сказал Артем. Иностранные он любил.

Вечером мама вдруг засобиралась.

– Совсем забыла, ребята, – сказала она. – Я же обещала бабушку навестить.

– Да куда ты на ночь глядя? – удивился Артем. – Метро закроют, не успеешь вернуться...

– А я у бабушки заночую, – объяснила мама, виновато пряча глаза. – И на работу от нее поеду. Вернусь завтра вечером...

– Ты позвони, как доберешься, – только и сказал Артем.

Когда за мамой захлопнулась дверь, Света посмотрела на Артема и тихо сказала:

– Хорошая она у тебя.

– Угу, – буркнул Артем.

– Артем, у тебя с кем-нибудь это было?

– Нет, – сказал Артем, сразу сообразив, что такое «это».

– У меня тоже. А ты вообще знаешь, как?

– Конечно, – Артем покраснел. – Ну... в теории.

– Я тоже в теории...

Они смотрели друг на друга и медленно заливались краской. Оба.

– Знаешь что, – сказал Артем. – Это как-то неправильно. Давай не спешить?

– Я тебе не нравлюсь? – спросила Света.

– Нравишься, – ответил Артем и с удивлением понял, что говорит правду. – Очень. Только вот так... из-за того, что классная решила...

– Ну нам же велели...

– Время пока есть.

Света вдруг облегченно выдохнула:

– Спасибо. Артем, ты мне очень нравишься. Больше всех.

– Я уже понял, – признался Артем.

– Ты знаешь, я даже иногда молилась, чтобы ты меня хоть заметил, – Света улыбнулась. – Но я тоже не хочу... так. Давай привыкнем друг к другу?

Артем кивнул:

– Слушай, а ты в игры играешь?

– Какие?

– Компьютерные. Я во «Властелина колец» играю.

– Покажешь? – спросила Света с интересом.

Они играли до трех часов ночи. Сходили в рейд, выполнили два квеста. Светке и в самом деле понравилось. Потом они съели половинку холодной курицы, выпили литровую бутылку колы и легли спать. Света на тахте Артема, а Артем на полу, вытащив из-под тахты свернутый рулончиком матрас. Уже под утро Артем проснулся от того, что ужасно хотелось в туалет. Он тихонько вышел из комнаты, ухитрившись даже не разбудить Рекса, не включая свет прошел в коридор. Когда вернулся, увидел, что Света во сне разметалась и с нее сползло одеяло. Артем осторожно укрыл ее, лег и крепко уснул.

Было начало ноября. За окнами лил дождь, колено у Артема разболелось, он сидел, прижимая к суставу грелку с горячей водой. Грелка была старенькая, рваная, приходилось держать ее аккуратно, чтобы не намочить постель.

– А твою ногу нельзя вылечить? – спросила Света. Она расчесывала волосы, сидя у окна в одной ночнушке. Мама что-то шила в комнате, напевая свою любимую песенку. «Детство кончится когда-то... Ведь оно не навсегда...»

– Можно, – сказал Артем. – Только это сложная операция, у меня весь сустав раздроблен. У нас таких не делают, только в Европе и Америке. Ну еще, говорят, в России. Врут, наверное.

– А давай мы накопим денег и ты вылечишь ногу?

– Давай, – согласился Артем.

Света отложила расческу. Сказала:

– Всем девочкам велели завтра прийти на медосмотр. И принести тест-полоску.

– Что будем делать? – спросил Артем, помолчав.

– Ты не беспокойся. Я с Лидкой договорилась. Я ей дам тест, она на него... ну, понял.

– Ты умница, – сказал Артем. – Почему я раньше не замечал, что ты такая умница?

– Потому что все мальчишки дураки, – засмеялась Света.

Весна пришла неожиданно. Под теплым ласковым дождем снег растаял за одну ночь. Артем вел Свету домой, бережно поддерживая под руку. Света одной рукой держалась за большой живот.

– Тяжело? – спросил Артем.

– Ничего... сползает немного, – сказала Света. А потом совсем тихо добавила: – Что мы будем делать, Артемка? Что мы будем делать? Олеся вчера родила. Настя вот-вот... а у нас два месяца осталось...

– Я что-нибудь придумаю, – сказал Артем. – Обязательно. Ты не волнуйся.

Они поднялись на четвертый этаж – лифт не работал в рамках президентской программы экономии электроэнергии. Вошли в квартиру. Артем помог Свете раздеться, они прошли в зал. И увидели маму, перебирающую какие-то старые бумаги.

– Привет, мам, – сказал Артем. Света чмокнула маму в щеку. – Что ты ищешь?

– Твое свидетельство о рождении, – объяснила мама.

– Оно же потерялось.

– Я его потеряла, я его и нашла, – мама достала листок и протянула Артему.

Некоторое время Артем оторопело смотрел на листок.

– В России? – спросил он, наконец. – Русский?

– Да, – ответила мама. – Кстати, я все знаю.

– Что – все?

– Про вас со Светой все знаю. Что ты спишь на матрасе. И вообще... – мама помолчала. – А ты думал о том, что за срыв президентской программы парней отправляют на принудительные работы, а девушек – отдают в женские исправительные колонии? Ты знаешь, как Свету там будут исправлять?

– Мама...

– Скоро семнадцать лет, как мама! – она встала и протянула Артему несколько купюр. – На столике в прихожей телеграмма из Белого города. Там заболел твой дядя.

– У меня есть дядя в Белом городе?

– Нет, но это неважно. С этой телеграммой тебе продадут туда билет. Пересадка на русский поезд в Болотном Колодце. У вас есть справка о достойном выполнении президентской программы, вас отпустят вдвоем... если вы скажете, что ненадолго, только попрощаться с дядей...

– А что потом? – спросил Артем. От волнения у него сел голос, он говорил хрипло – как отец на каких-то старых сохранившихся записях.

– Вы уже большие, – сказала мама. – Я в вас верю. Денег, конечно, у нас нет... но ты парень умный. А Света находчивая. Может быть, я к вам приеду... потом.

Артем кивнул. И сказал:

– Только Рекса, мама, мы заберем с собой.

Пограничник смотрел на Артема строго и неприязненно.

– Чего удумали – жинка едва брюхо тягает, а вы в гости собрались?

– Дядя умирает, – сказал Артем. – Прощаться хочет, на жену мою посмотреть. Он же не виноват, что судьба его так забросила...

– Не виноват, так надо было возвращаться, – пробурчал пограничник, но все-таки поставил штамп в паспорте. – А то погоняться за красивой жизнью...

– Да разве там жизнь красивая? – удивленно сказал Артем. – Там же Россия!

Пограничник криво ухмыльнулся и внушительно пояснил:

– Понимать надо – город приграничный. Они там витрину своей суверенной демократии устроили, чтобы нас смущать. Так что с умом себя ведите. На провокации не поддавайтесь, о политике не разговаривайте, рты не разевайте... А собаку-то зачем с собой тащите? – в голосе пограничника вдруг возникли подозрительные нотки.

– Так это ж дядькина собака, – нашелся Артем. – Тоже пес помирает... пусть хозяина увидит.

– То верно, – решил пограничник. – Идите...

Артем и Света двинулись к русскому поезду. Артем тащил чемодан и поддерживал Свету. Света держала поводок Рекса.

– Сползает, – неожиданно сказала она.

– Светочка, нам чуть-чуть... – прошептал Артем.

– Артемка, совсем сползает... прости...

Тугая подушка, набитая гречневой шелухой, выпала из-под платья – и Света мгновенно превратилась из беременной женщины в тоненькую испуганную девочку. Пограничник разинул рот.

– Светка, беги! – закричал Артем. И, бросив чемодан, кинулся к поезду вслед за ней.

Проклятое колено никак не хотело сгибаться. Он полубежал, полупрыгал, вслед за ним топали ботинки пограничников. Света уже вбежала в вагон, втащив за собой Рекса, и теперь испуганно смотрела из-за плеча проводницы и русского пограничника. В вагоне были тепло и приятно пахло. Играла музыка. Чистый ясный голос пел: «Но пока мы только дети, нам расти еще расти... Только небо, только ветер... Только радость впереди...»

– Не уйдешь, уклонист! – ревел за спиной пограничник. Потом послышался звук падения и ругань – пограничник споткнулся о подушку, и это дало Артему несколько драгоценных секунд.

– Артемка! – кричала Света. – Быстрее!

Артем уже слышал за спиной тяжелое дыхание. Последним усилием он вцепился в поручни и забросил ноги на решетчатую ступеньку. В плечи тут же вцепились – но Артем держался крепко.

– Он на российской территории, – строго сказали над головой. Щелкнул затвор автомата. Пограничник, матерясь, отпустил, и Артем поднялся в вагон. Русский пограничник посмотрел на него добрыми усталыми глазами и сказал:

– Ne boisa, hlopec. Mi teba v obidu ne dadim. Ti govorish po-ruski?

– Da, – ответил Артем. – Ya ruskiy.

– Что ж ты творишь, парень? – кричал вслед пограничник. – Как тебе не стыдно, девочка! Уклонисты! Вы не патриоты своей великой родины!

Артем покачал головой и, прежде чем взять Свету за руку и пойти в купе, ответил, сам не понимая, о ком говорит – о Свете или о родине:

– Об одном прошу – оставьте ее в покое!

Цена вопроса

– Три миллиона жизней – это плата за независимость?! – король засмеялся. – Ты смеешься надо мной, враг рода человеческого!

Дьявол развел руками и улыбнулся белозубой улыбкой. Из уважения к королю – так он объяснил, облик дьявола не был устрашающим. Он выглядел как человек: высокий, бледный, в темных одеяниях. Ужасало не его уродство, а его совершенство: ослепительно-белые зубы, чистые белки глаз, ровная матовая кожа без шрамов и прыщиков, соразмерность черт лица и частей тела. «Люди не бывают такими правильными», – подумал король и, прихрамывая, подошел к камину. «Совершенство доступно ангелам... и бесам. Бесам и ангелам. И неизвестно еще, кто выглядит лучше, ведь ангелам нет нужды нравиться людям...»

– Послушай меня, мой король, – вежливо, хоть и с фамильярностью произнес дьявол. – Да, я прошу высокую цену – каждую пятую жизнь в твоём королевстве. Но отныне бывшая метрополия не будет тебя беспокоить. Никаких стычек на границах. Никаких войн. Никакой потребности в огромной армии, опустошающей казну.

– Если я положу три миллионов душ в бою – Империя и без того навсегда оставит меня в покое! – раздраженно сказал король. Посмотрел в окно, где в свете луны серебрились горные пики. Там, за горами, лежала Империя – откуда они когда-то пришли и куда не хотели возвращаться. – В чем выгода?

– О, если ты готов бросить на смерть три миллиона, – дьявол шутовски раскланялся, – то Империя отступит. Без сомнения. Но пойдут ли эти три миллиона на смерть? А если даже пойдут... кто останется? Кем ты станешь править после победы – бабами и детьми?

Король поморщился:

– А кого заберешь ты?

– Детей, – сказал дьявол. – Три миллиона детей в возрасте от пяти до двенадцати лет.

– Что? – опешил король. – Зачем? Какие сатанинские муки ты им готовишь? Для каких отвратительных целей нужны тебе невинные малютки?

– Не все ли тебе равно? – вопросом ответил дьявол. – Но если ты боишься угрызений совести, так вот тебе мое слово – они будут жить, и судьба их может сложиться куда лучше, чем могла бы в твоём королевстве.

Король напряженно думал. Потом спросил:

– Три миллиона... у нас что, так много маленьких детей?

– Конечно. Крестьянки рожают постоянно, ведь дети мрут от болезней, голода, работы.

– Три миллиона... в это число входят и мальчики, и девочки?

– Никакой разницы, – дьявол усмехнулся. – Для моих целей не важен пол, цвет кожи, внешность... и даже ум.

Король сел у камина на корточки и стал греть озябшие руки.

– Ты заберешь всех детей этого возраста?

– Нет, – дьявол покачал головой. – Это примерно две трети. Так что часть детей останется при родителях... Я понимаю, что тебя тревожит.

Король нахмурился.

– Если мой народ принесет такую цену, то и королевская семья не останется в стороне!

Дьявол кивнул:

– Слова, достойные великого короля. Обещаю, что твоего сына ждет великая судьба.

Король посмотрел на дьявола, пытаясь понять, издевается тот или нет. Но лицо нечистого было непроницаемо.

– Моему старшему сыну девять лет, и он должен унаследовать трон, – сказал король. – Увы, мальчик туп, жесток и злопамятен. Если он взойдет на престол – это будет бедой для королевства и всего нашего рода. Младшие сыновья справятся лучше.

– А вот это слова не только великого, но и умного короля!

Может быть, королю показалось, но в глазах дьявола мелькнуло

подлинное уважение. «Я проклят, – подумал король. – Я проклят не потому, что отдаю три миллиона невинных малюток в рабство дьяволу. И не потому, что отдаю вместе с ними своего первенца. Я проклят, потому что мне лестно уважение в глазах нечистого...»

– Не хочешь ли ты забрать младших детей? – спросил король. – Они и впрямь мрут как мухи.

– Не хочу, – сказал дьявол. – Много возни.

– Что?

– Допустим – они еще настолько невинны, что я не в силах взять их себе, – ответил дьявол.

– Ладно, – король кивнул. – Три миллиона... Семьи, в которых трое и больше детей такого возраста, получают право выбирать, кто останется. Но это должно выглядеть прилично! Никаких клубов серы, никаких устрашающих звуков, никаких рогатых демонов! Иначе народ взбунтуется!

– Я пришлю к твоим берегам корабли, – усмехнулся дьявол. – Мы скажем, что дети отправляются осваивать новые земли. Или что они плывут прямо в рай – тебе было видение и ангел повелел собрать всех невинных... Или еще что-нибудь придумаем.

Король медлил.

– Решайся, – сказал дьявол. – Мне нужны три миллиона детей. Но я могу с равным успехом взять их с той стороны гор...

Король вздрогнул.

- Я согласен. Надо подписать бумаги кровью?
- О, нет. Кровь короля драгоценна. Достаточно твоего слова.
- И ты не получишь власти над моей душой?
- Нет, – твердо сказал дьявол. – Да она мне и не нужна.
- Я согласен, – повторил король.

– Ты не прогадаешь, – утешил дьявол. – Пятая часть твоего народа – потеря немалая. Но это те, кто еще не может работать. Лишние рты. Половина из них умерла бы от болезней и голода, еще половина сгинула бы во время войны. Ты теряешь ненужное, ты сохранил работников и армию, а бабы нарожают новых детей.

Король кивнул:

– Хорошо. Как ты оградишь меня от Империи?

– Пойдем к окну, – дьявол бесплотной тенью прошел мимо короля. Рука дьявола прошла сквозь массивную столешницу, нога на миг утонула в каменном полу – но нечистый этого даже не заметил. Король подавил желание перекреститься. Он сам призвал дьявола, он молил его о помощи, устав надеяться на Бога. Теперь оставалось принять помощь – и заплатить цену.

У окна дьявол остановился. Посмотрел на короля. Тот понял, поднял вверх массивную раму с толстым, хотя и на диво прозрачным стеклом. Дохнуло ночной свежестью, в королевскую опочивальню ворвался стрекот цикад и шаги караульных.

– Твоя страна отделена от Империи высокой горной грядой, – сказал дьявол. – Вот там, там и там есть перевалы. Между теми двумя вершинами лежит широкая долина. Это единственные пути, по которым может пройти армия.

– Я знаю, – сказал король.

– Смотри... – сказал дьявол.

Несколько мгновений ничего не происходило. Потом в небе вспыхнули огненные точки. Они стремительно неслись вниз, оставляя за собой фосфоресцирующий след. Донесся тихий тонкий звук, непохожий ни на что в природе. В городе тревожно залаяли собаки.

– Теперь лучше прикрой глаза, – посоветовал дьявол. – Или смотри в сторону.

Король так и сделал. Минуло еще несколько ударов сердца – и двор замка залил мерцающий красный свет. Послышались крики часовых. Бухнул колокол на сторожевой башне.

– Можешь смотреть, – разрешил дьявол.

Над горами поднимались тучи пыли, светящиеся изнутри багровым пламенем. Рисунок гор изменился – две самые высокие вершины исчезли.

– Больше нет долины, – сказал дьявол. – Больше нет перевалов. Империя не сможет прийти к тебе. Разумеется, торговцы найдут окольные тропы... но в этом нет вреда. Для армии дорог не осталось.

– Ты обрушил горы... – прошептал король. – Да... это стоит трех миллионов душ. Забирай их!

– Я свяжусь с тобой через несколько дней, – пообещал дьявол. – Ноя слышу, к тебе уже спешат, король... успокой свой народ!

Дьявол исчез, оставив после себя тревожный, как после грозы, запах.

Король еще раз посмотрел в окно. На город налетел горячий пыльный ветер, под его порывами клонились деревья. На севере всходила вторая, малая луна – и в ее оранжевом свете тучи пыли выглядели разверзшимися вратами ада.

– Я проклят, – сказал король. – Но такова цена. И, к счастью, она невелика.

Он опустил окно и твердым шагом настоящего великого короля пошел к двери, в которую, утратив всякий политес, колотили перепуганные придворные.

Люциус Ферье, Наместник Дружественного Союза, выключил проектор и посмотрел на проверяющую. Анжела Матушенко, инспектор Земной Федерации, беззвучно похлопала в ладоши:

– Bravo, Люциус. Bravo. А знаете, в вас и в самом деле есть что-то дьявольское.

– Это комплимент или порицание? – спросил Люциус. Общение с земными инспекторами всегда давалось ему нелегко. Даже когда он находился в своей каюте, на борту своего флагмана, самого большого и мощного корабля Дружественного Союза. Вокруг него были тысячи преданных людей, но за этой хрупкой блондинкой стояла чудовищная мощь Земной Федерации.

– Констатация факта, – пояснила Анжела. – Почему вы разыграли именно такой вариант? Из-за своего имени? Люциус Ферье – практически Люцифер...

– Вовсе нет, госпожа Анжела. Вы тоже ангел не из-за своего имени, – Люциус решился на неуклюжий комплимент и был вознагражден легкой улыбкой. – Все забытые колонии крайне религиозны, поэтому напрашивалось...

Анжела сделала глоток вина из высокого бокала. Покачала головой.

– Я не о том. Это как раз понятно. Почему вы решили притвориться именно дьяволом, а не ангелом? Вы могли на самом деле пообещать отвести детей в рай, а это игрушечное королевство защитить от соседей.

– Понимаете ли, Анжела... – Люциус задумался на миг, пытаясь сформулировать свою мысль как можно более четко. – Мы, на окраине Империи, тоже несколько религиозны и понимаем психологию забытых колоний лучше. Они молятся Богу и пытаются соблюдать заповеди. Но подлинную помощь они ожидают только от дьявола. Бог в их представлении не станет рушить горы, разить врагов или кормить голодных. Бог посылает утешение, ободрение, надежду... А вот с дьяволом всегда можно договориться – это только вопрос цены. Цена была невысока – три миллиона никому не нужных ртов.

– Так уж и ненужных, – нахмурилась Анжела.

– В большинстве своем. Это примитивное общество, идеи гуманизма и ценности отдельной жизни там в зачаточном состоянии. Две трети детей и впрямь умирает, не дожив до репродуктивного возраста. Поэтому они много рожают и относятся к потере ребенка как к неизбежной, даже обязательной составляющей бытия.

Анжела кивнула. Спросила:

– Бомбы чистые?

– Ну разумеется! Протонные заряды, никакой радиации.

– И никто не пострадал?

– Мы три недели вытесняли население из долины. Лавины, оползни, психотронное облучение. Часть ушла в Империю, часть в королевство. Перевалы засыпаны снежными оползнями. Торговцы негодовали, но вынуждены были вернуться. – Люциус помедлил, потом сказал: – Конечно, полной гарантии дать нельзя. Авантюристы, охотники, отшельники... за кем-то мы могли не уследить. Но это единицы, в худшем случае десятки людей. Война унесла бы миллионы. Они очень сурово воюют. Прирожденные воины, знаете ли.

Люциус осекся. «Что я несу, – в ужасе подумал он. – Это от волнения. Это адреналин в крови. Если она поймет...»

– Вам придется заняться перевоспитанием детей, – сказала Анжела. – Понимаю потребности Дружественного Союза в новых колонистах, но сможете ли вы адаптировать их в современном обществе?

«Дура, – с облегчением понял Люциус. – Слава Богу, она дура. Она не видит дальше того, что ей хочется видеть. Времена настоящих инспекторов, всюду ищущих двойное дно и чующих любой заговор, прошли».

– Именно поэтому мы ограничили возраст двенадцатью годами. В подростковом возрасте гипнообучатели малоэффективны, но этих детей мы воспитаем так, как сочтем нужным.

– Делайте особый упор на демократические и гуманистические ценности, – посоветовала Анжела. – Наука, технология, это все прекрасно. Но в первую очередь нас волнует увеличение поставок продовольствия и тяжелых металлов.

– Не будет ли это недемократично, Анжела? – Люциус позволил себе легкий упрек. – Вы предлагаете занять этих детей, наших будущих полноправных сограждан, на тяжелой работе. По сути, превратить в людей второго сорта. Федерация всегда строго предостерегала против подобного...

– Ну что вы, Люциус! – Анжела нахмурилась. – Вы спасли детей из примитивного средневекового общества, от ужасов войны, голода и болезней. Все мы понимаем, что не каждый сумеет адаптироваться полноценно... кто-то найдет себя в трудах на ферме или в руднике. Но, разумеется, самые способные дети должны получить хорошее образование, их надо взять в семьи! Рекомендую, кстати, вам лично принять одного-двух детей. Королевского наследника – непременно. Мальчик, вероятно, проблемный, но психологи справятся. Зато через какое-то время у вас будут основания вернуться на эту планету и получить власть в королевстве... абсолютно законно!

Люциус склонил голову:

– Благодарю, Анжела. Я так и поступлю.

Инспектор улыбнулась:

– Прекрасно. Я подпишу акт о том, что переселение трех миллионов детей из забытой колонии являлось актом гуманизма, было совершено с полного одобрения местной власти, максимально гуманно, без причинения вреда экологии и передачи отсталому обществу опасной информации и технологий.

– Могу ли я надеяться, – осторожно спросил Люциус, – что нам позволят провести подобную операцию еще два-три раза?

Анжела подняла брови:

– Еще десять миллионов? Люциус, вы меня удивляете. У вас такие обширные планы?

– Позвольте, госпожа инспектор, я покажу вам перспективный бизнес-план! – Люциус поднялся и прошел к информационному экрану. – Смотрите... вот эти две планеты могут быть полностью перепрофилированы на выпуск сельскохозяйственной продукции. В поясе астероидов и на этих планетоидах огромные запасы руды...

– Как вы будете все это вывозить на Землю? – любопытствовала Анжела. – Существующий флот едва справляется.

– У нас достаточно квалифицированных техников и рабочих, особенно если на простых производствах их подменят новые граждане...

– Только после того, как они вырастут! – строго сказала Анжела.

– Ну разумеется! Так вот, мы могли бы наладить производство собственных грузовых кораблей... если Земля разрешит, конечно. Через пять-семь лет поток продуктов и руды увеличится вдвое.

Анжела размышляла. Потом кивнула:

– Я буду рекомендовать выдать вам лицензию, Люциус. Ваши планы амбициозны, но обоснованны.

– Если бы Земля еще передала нам технологии клонирования... – рискнул добавить Люциус.

– Нет! – Анжела резко поставила бокал на стол. Покачала головой. – Даже не просите. После отделения Второго Альянса мы наложили запрет на подобные технологии.

– Но...

– Вам лично я доверяю, – твердо сказала Анжела. – Но что, если после вас к власти в Союзе придут сепаратисты? Неограниченные человеческие ресурсы плюс ваши запасы полезных ископаемых, сельскохозяйственные планеты, возможности по производству кораблей... И всего четыре гипертуннеля, ведущие к планетам Федерации! Нет, нет и нет!

– Простите, – Люциус склонил голову. – Я не мог помыслить о таком... но вы правы. Безусловно правы.

Анжела встала, потянулась – тонкое облегающее платье самым выгодным образом подчеркнуло ее фигуру. Рядом с ней, как и рядом с любым землянином, Люциус чувствовал себя неотесанным и неуклюжим мужланом.

Наверное, точно так же себя ощущал король, глядя на его голограмму...

– Вроде бы пора отправляться в постель, – сказала Анжела задумчиво. – Но при этом спать еще не хочется.

Ее взгляд оценивающе пробежал по Люциусу.

– Вы не составите мне компанию, Наместник? – мягко спросила она.

Люциус опешил. Земляне отличались легкостью нравов, но вот инспектора – что мужчины, что женщины, – никогда себе вольностей не позволяли.

Значит – все в порядке. Анжела ему доверяет. Она не видит никакой угрозы в планах Дружественного Союза, она представит их на Земле в самом выгодном свете... а уж бюрократы из правительства легко проведут любое готовое постановление. Долгий труд Люциуса, а до того – его отца и тайной организации «Свобода и независимость», близится к концу.

– Это огромная честь для меня, – сказал Люциус, подходя к Анжеле.

– Оставьте, Лю, – руки Анжелы крепко обвили его шею. – Здесь нет землян и колонистов, инспекторов и наместников... Только умный сильный мужчина... и женщина, истосковавшаяся по теплу...

Обнимая Анжелу, Люциус даже ощутил неловкость. Обмануть инспектора, а потом еще и заняться с ней сексом... в этом было что-то нечестное.

Но такова была цена вопроса.

Люциус храпел во сне. Анжеле это скорее веселило, чем смущало, – так же как его волосатая грудь или слишком мускулистые, на взгляд землянина, руки. В сексе с колонистом тоже был занятный элемент новизны – он непременно хотел доминировать и любое проявление инициативы со стороны Анжелы его смущало.

Казалось бы – всего десять поколений, прошедшие с тех пор, как предки Люциуса основали Дружественный Союз, колонизировав вначале две планеты в одной звездной системе, а со временем – еще и три ближайшие звезды. И связь с Землей они никогда не теряли. И технологии получали... в разумной мере, разумеется. Но все равно, они уже другие...

Анжела лежала рядом с наместником, смотрела в прозрачный потолок каюты, в черное звездное небо, на темный диск планеты. Забытая колония со времен первой галактической экспансии... средневековье... рыцари, короли, сражения, суеверия... как это романтично! Она попыталась представить себя в объятиях короля, но фантазия решительно воспротивилась. Король был слишком грязен, слишком кряжист, его лицо обильно поросло растительностью и было изуродовано грубыми шрамами. В самой мысли о сексе с таким человеком было что-то противоестественное. Хотя... если бы этого короля отмыть, приодеть, вылечить шрамы, вставить новые зубы... Анжела усмехнулась. Да. Это было бы волнующим приключением, о котором не стыдно рассказать мужьям. Но на глупости нет времени.

Со временем вообще хуже всего.

Как они мечтали наконец-то встретить братьев по разуму! Не рассеянных в пространстве колонистов, тысячи лет назад покинувших умирающую (как им казалось) Землю на медленных кораблях поколений. А настоящих, непохожих на людей, рожденных другой планетой, с другой философией, этикой, мышлением...

Домечтались...

Из семи кораблей, ушедших сквозь район Дружественного Союза в дальний поиск, вернулись два. Еще один успел послать аварийный зонд с записями. Экипаж тех двух кораблей до сих пор находится в изоляции под наблюдением психологов, их рассказы и записи с аварийного зонда доступны лишь самым психически устойчивым членам правительства.

Молили о братьях по разуму? Получите. Вот они, ваши братья. Во всей красе. Со своей необычной психологией-физиологией, со своей этикой и эстетикой... Теперь не жалуйтесь. Вы искали и нашли. А они теперь знают, где искать нас.

И самое ужасное – они сильнее. Не настолько, чтобы опустить руки. Но вполне достаточно, чтобы четко и ясно понять: Федерация не выдержит войны. А война неизбежна. И если человечество проиграет войну, но не погибнет – это будет чудовищно вдвойне. Потому что людей не уничтожат, они просто станут зависимы и...

Анжела почувствовала, что ее подташнивает. Усилием воли прогнала всплывающие в памяти картины.

Нет. Этого не будет. Они сделают все, чтобы человечество уцелело – и победило. Время есть, его мало, но оно еще есть. Перестроить на войну экономику будет несложно, а вот изменить саму психологию граждан Федерации, снова превратить их в воинов... таких, как на этой дикой средневековой планете, только вооруженных не острыми кусками железа, а настоящим оружием... Вот это сложнее.

Но время еще есть. Нужно несколько локальных войн. С понятным, не вызывающим шока и ступора противником. Нужно изменить воспитание... с детьми проще, можно изменить программу гипнообучателей, но перевоспитать взрослых сложнее. И нужен, хотя бы на первое время, заслон. Живой щит. Десяток вооруженных, умеющих и готовых воевать планет. Дружественный Союз годится и благодаря своему расположению, и потому, что у власти сейчас глубоко законспирированный сепаратист из этой их, как ее, «свободы и независимости».

Как многое предстоит сделать! Продавить сквозь ничего не понимающий парламент послабления для Дружественного Союза. Позволить им украсть новейшие военные технологии. Не дать низшим чинам разведки обнаружить, что вместо грузовых кораблей здесь строят линкоры, а из детей забытых колоний воспитывают не фермеров, а воинов. Потом потребуется война... в которой надо проиграть, но в достаточной мере напугать колонистов – чтобы они заиклились на войне, строили все новые и новые корабли... и когда придет настоящий враг – вступили с ним в бой.

И дали Федерации достаточно времени для вступления в войну.

Люциус захрапел совсем уж громко. Анжела поморщилась и осторожно перевернула наместника на бок. Тот зачмокал губами и задышал тише. Анжела долго и печально смотрела на его обнаженное, грубовато-красивое и сильное тело.

Люциус снова захрапел. Анжела поднялась, набросила на плечи халат. Вышла из спальни в коридор, зашла в свою каюту, включила личный передатчик. Связь через гиперпространство мгновенна, но председатель совета отозвался не сразу. Наверное, там, где он был, тоже ночь...

– Анжела?

– Все в порядке, – негромко сказала она. – Все, как и планировали.

Председатель кивнул. За его спиной промелькнула полуодетая девушка. Точно, ночь...

– Я рад, Анжела. Но... пять планет и двести миллионов жизней... Тебя не смущает цена вопроса?

Анжела покачала головой. Вспомнила лицо короля с варварской планеты. И твердо сказала:

– Об одном прошу: оставь ее в покое.

Юрий Никитин

Русский писатель, драматург, публицист. Родился, живет и работает в Астрахани.

Член Союза писателей СССР с 1986 года, участник Всесоюзного съезда молодых писателей (1984 г., Москва), Всемирного конгресса русскоязычной прессы (2000 г., Нью-Йорк) и Всемирного съезда P.E.N. Club (2000 г., Москва). Автор семи книг художественной прозы, трех пьес и множества публицистических статей.

Всесоюзную известность ему принесли повесть «Голограмма» (1986 г.), роман «Выкуп» (1990 г.), а также рассказы, изданные массовыми тиражами «Молодой Гвардией».

Вышедшая в 1999 году книга Юрия Никитина «Укромье ангела» удостоена Артистской профессиональной премии в области литературы. В том же году получил премию им. В.К. Третьяковского за книгу «Чудная ночь в начале июня» и ее же – спустя три года – за «Укромье ангела».

Из романов, написанных автором в последние годы, следует отметить гротескно-сатирическое произведение «Свистун Холопьев» (роман стиля) и мистический триллер «День, когда мы будем вместе».

Зарубежному читателю творчество Юрия Никитина знакомо в основном по рассказам в различных сборниках, переведенным на основные языки.

Как публицист Юрий Никитин часто печатается в «Литературной газете».

С греками – навек! (Из цикла рассказов «Я и не мой брат Иван»)

Нет уж, извините-подвиньтесь: никакая нам Украина не сестра и тем более не брат. Это все старцы какие-то придумали, а мы, как попугаи, повторяем за ними. Чего, спрашивается, у нас общего? У нас щи, а у них борщ, у нас пиво, а у них пыво, у нас Иванов Гаврила Соломонович, а у них Гнилохатка Златояр Коловратович – язык сломаешь, пока выговоришь. И так во всем. Мы им говорим: «Сидите на месте и не рыпайтесь!», а они нам кукиш показывают. Хороши уродственнички! Вот брат Иван в таких случаях... Кстати, о брате Иване.

Говоря между нами, он мне такой же брат, как эта чертова Украина. Просто в молодости его по ошибке сняли в какой-то кинокартине без названия, где он играл роль вечно пьяного брата – без слов, но с выражением лица. Его из-за этого выражения-то и взяли в картину, потому что с этим самым выражением он и тверезый на пьяного был похож. Конечно, люди из картины это усекли и решили сэкономить на реквизите. Но талант у брата Ивана, надо признать, имелся. Он, бывало, как глянет из-под кустистых бровей, как сверкнет безумными глазами, как сожмет до посинения губы – тут сам в ларек за бутылкой побежишь, только чтоб

человек не мучился. Я хоть и небольшой знаток всей этой киношной канители, но скажу так: лучше брата Ивана роль пьяного, не будучи пьяным, в мире никто не играл. И это еще при том, что роль у него была подсобная, а на передке там суетился какой-то додик, который все время ему на бестолковку капал: мол, ты, брат Иван, неправильно себя ведешь, то да сё, а он как глянет на него с укором и снова уходит в страдания. Артизд, ничего не скажешь!

Ну вот, к чему это я брата Ивана вспомнил на ночь глядя? А к тому, что приходит он сегодня на работу после обеда и созывает всех на политконференцию. Ему Христофорыч, бугор наш, поручил этим делом заниматься за два отгула в месяц и три дня к отпуску. Собирает он нас, значит, а станок у него как был в металлической стружке, так и остался. Правда, время прошло немного, года полтора, но все равно непорядок. Я ему аккуратно так на это намекаю, мол, доллар проклятуший опять наш рубчик унизил, так хоть стружку бы убрал со станины, лектор хренов! А он меня будто и не слышит, ковыряется в своих бумажках, шепчет что-то себе под нос, а потом говорит человеческим голосом: «Вы, Индивид Матвеевич, часом не помните, как называется небольшой такой остров из четырех букв в Средиземном таком море? Мне он для политконференции очень нужен». Я подумал с минуту для порядка и говорю, что знаю, мол, остров из трех букв, но он не в Средиземном море,

а значительно ближе, и если, говорю, попросишь, расскажу подробно, как туда добраться. Только, мол, я бы не назвал его небольшим. Тут приходит Христофорыч, снимает с носа солидольную соплю и спрашивает с таким видом, будто его это и впрямь интересует: «Так о чем, стало быть, нынче толковище будет?» – «О Греции, – говорит брат Иван, шурша бумагами. – И еще об острове, забыл название, из четырех букв». Христофорыч вытер лицо ветошью, отчего стал похож на мулата, и вновь спросил: «Это какой-то новый, что ли, из четырех букв? Недавно открытый?» – «Нет, – помог я с ответом брату Ивану, – все тот же. Просто когда будешь произносить старое название, среднюю букву слегка растяни, чтобы она как бы удвоилась. Поначалу будет тяжеловато, но потом привыкнешь». Христофорыч попробовал, и у него все получилось с первого раза. Я тоже попробовал, и у меня получилось. Но тут заорал вдруг брат Иван и все испортил. «А-а, – заорал он, – вспомнил: остров Крит!» Христофорыч зло посмотрел мне в глаза и сказал: «Ну, я же говорил, что новый, а ты – «старый, старый, только букву тяни»... Тьфу на тебя, Индивид!»

Брат Иван пару раз свистнул и попросил внимания. Мы с Христофорычем вздохнули, прикрыли глаза и унеслись в мыслях вслед за оратором в солнечную Грецию, а уж оттуда по лазурной воде на остров из четырех букв – никак не запомню его названия, окаянного... Христофорыч, судя по тому, как прерывисто он задышал, вскоре отловил себе какую-то неразборчивую в связях гречанку и принялся танцевать с ней в уединении сиртаки, а я просто взял у знакомого бармена в невозвратный долг полкило «Метаксы» в одну посуду и устроился в плетеном кресле вблизи морского берега. Потом подошел катер, нас с Христофорычем пригласили на палубу, я легко впрыгнул на борт, ударившись головой о железный столб, а Христофорыч всё никак не мог отъединиться от гетеры, оказавшейся, впрочем, нашей соотечественницей из Кривой Музги, забывшей на чужбине родной язык. А там, откуда ни возмись, приканали цыгане с бубном – и понеслась душа в рай! Не знаю, чего бы мы там нахреновертили с Христофорычем, но брат Иван вскоре вернул нас в опостылевшую действительность. «Вот такие пирожки с котятами, – произнес он жизнерадостно свою любимую фразу, от которой нас с Христофорычем после эллинских сладушек чуть не стошнило. – Так что учите греческий язык, господа».

Я сплюнул незаметно под его зачуханный станок, затаился воздухом и сказал: «Насколько я понял из вашего, сударь, повествования, трудолюбие не входит в перечень достоинств рядового грека. У них там как бы сплошная сиеста, с которой они рождаются и помирают. Кого-то они мне очень сильно этим напоминают. Не подскажете, любезный, кого?» – «Да нас самих, кого же еще! – вылез наперед Христофорыч и загоготал жизнеутвер-

ждающе. – Мы тоже особо париться не любим. Конечно, оно, ежели, скажем, в баньке, да с веничком в оттяжку, да со стопариком с устатку...» – «Нет, вы уже посмотрите на него! – начал возмущаться как-то по-одесски брат Иван и даже чем-то стал похож на бывалого одесита. – Ему уже, видите ли, греки не нравятся! А сам не успел на берег сойти, как тамошнего бармена на коньячок нехилый наказал!» – «Нашел тамошнего, – усмехнулся я. – Это же Генка Грек по прозвищу Стрелок из инструментального. Он у меня столько сигарет настролял, что я спокойно мог бы выпить все его запасы, и он бы еще не рассчитался со мной». – «Ты это, – сказал Христофорыч, – хорошо рассказал, душевно. Как-то легко там дышится, в этой Греции. А что, правда она к нам хочет прислониться или это ты так по-лекторски сбрыхнул?» – «Да их бабка одна чокнутая забодала своими наставлениями, – сказал брат Иван. – Как запустит свою шарманку: «Arbeiten! Nicht starren an den Seiten!»¹, так хоть в петлю лезь. Только они расслабятся, а она тут как тут: «Arbeiten! Nicht starren an den Seiten!» А там ведь куда ни пойдешь, кругом все шепчет... Только ты приладишься к кому-нибудь, так она по новой: «Arbeiten! Nicht starren an den Seiten!» – «Блин! – ругнулся в сердцах Христофорыч. – Тут действительно на край света побежишь. Надо их взять к себе. Вместо хохлов. Пусть волосенки дерут от досады. Не хотели с нами жить, нос воротить стали – ничего, и покраше вашего найдем. Только вот как бы эта бабка за ними не увязалась, а то начнет нам тоже свою песню петь – куда тогда бежать?» – «Не бойсь, у нас на ихнюю бабку свой дедок имеется, – сказал я. – У него не забалуешь!»

В общем, после короткой дискуссии мы все же решили принять Грецию на место Украины. Новая сеструха и собой недурна, и на Запад коситься не станет, потому как там один сплошной «Arbeiten! Nicht starren an den Seiten!». Ау нас ей будет хорошо, покойно. Опять же ежели какая неувязка случится, переселим ее к нам совсем... да в ту же Сибирь, а сами в теплые края махнем, хоть по-человечьи проживем. Мы с братом Иваном у Генки Грека на первый случай остановимся, а Христофорыча отправим искать шалаву из Кривой Музги, и все у нас будет «abgemacht»², как говорят эти, блин, трудоголики во главе с доставшей уже всех вконец бабкой...

Дети патриотов

Не пойму, чего это некоторые у нас ополчились на патриотов, и слово-то само как-то презрительно даже произносят. Не просто скажут, мол, патриот, а с закавычками – «патриот!»! По мне, так горше доли патриота в нашей сторонешке теперь и не сыщешь. Я знаю, что говорю.

Как только Горнист сыграл сбор, мы с братом Иваном (в сто двадцать пятый раз объясняю: это кличка такая) с самого утра, часов с двенадцати, заняли очередь на запись. Перед нами стоял какой-то чернявый иностранец из Средней Азии, и черт дернул брата Ивана начать объяснять ему, по какому поводу здесь народ некучно толпится. Пока наш толмач занимался своей работой, изображая из себя чеканутого мима, иностранный гражданин, еще минуту назад лопотавший какую-то тарабарщину медленно вдруг стал оседать и в конце концов ударился оземь, превратился в ясна сокола и был таков. К брату Ивану тотчас подошел дежурный по очереди с крашеными волосами и нудным голосом сообщил, что всякая агитация запрещена. После этого мы отыскивали мужика, страдавшего бессонницей, прислонили его к очереди на место иностранца и вернулись на завод проведать бугра своего Христофорыча, который напрочь отказался стоять с нами из каких-то там принципиальных сооб-

---

¹ Работать! Не глазеть по сторонам! (нем.)

² Здесь: В порядке (нем.)

ражений, или, иными словами, по его витиеватому выражению, «в память о всех невинно почивших когда-либо в очередях».

Мы нашли такую его позицию хотя и заслуживающей снисхождения, но недостаточно патриотичной, сделали ему замечание и отправились в столовку – выпить компота перед неизбежным стоянием. Потом посидели в гриль-баре, посмотрели с аппетитом, как люди едят кур, запили увиденное кружкой кваса «вырвиглаз» на двоих и выдвинулись к парку с чугунным идиолом Серёгой на пьедестале.

Идол Серёга был в картузе, а то бы вороны попортили ему прическу, и из брюнета он бы определенно превратился в блондина. Мы еще валетом подремали на широкой лавке в тени плакучей ивы и уж потом направились к очереди.

Каково же было наше удивление, когда никакой очереди мы не обнаружили. У обшарпанной двери стояла какая-то придурочная бабенка, непонятно с какой целью кричавшая в пространство: «Голосовать модно!» и нервно ходил туда-сюда импортный приятель брата Ивана, который тотчас прилачился к нам и начал что-то снова балаболить, размахивая руками.

«По-моему, он хочет в туалет», – сказал брат Иван и решительно открыл входную дверь.

Минуты через три из помещения вышел наш знакомый дежурный и, взяв неуступчивого гражданина под локоть, потянул его внутрь. Я пошел следом, деликатно подталкивая страдальца сзади.

Брат Иван сидел на стуле и заполнял анкету. Нам с иностранцем тоже дали по бумажнице, причем наш приятель всячески пытался отделаться от подарка, сначала бросив его на стол, а затем смахнув на пол.

«Туалет только заполнившим анкету патриота», – сказал дежурный и выразительно посмотрел на бунтаря.

«Он вас не слышит», – сказал я.

«И не видит, – добавил брат Иван, не отвлекаясь от писанины. – Не приставайте к нему. Он может по моей анкете сходить в туалет?»

«Вероятно, да, – подумав, ответил дежурный. – А вы сами разве не хотите? У нас по одной анкете только раз можно зайти».

«Я схожу по анкете Индивида Матвеевича, – сказал брат Иван, – а он потерпит».

«Это было бы весьма патриотично с его стороны», – заключил дежурный и достал связку ключей.

Потом мы вдвоем с дежурным, подхватив гостя под мышки, по воздуху доставили его к вожделенному месту, впихнули внутрь кабины и, закрыв ее на два оборота ключа, вернулись в комнату.

Я взялся за анкету, а дежурный достал миниатюрную пилку и принялся подпиливать ногти на руках. Меня чуть не стошнило. Эти субтильные мужики с крашеными волосами и маникюром вызывали во мне труднопреодолимую агрессию, оскорбляя все мое патриотическое существо.

Я отложил анкету в сторону и поинтересовался у дежурного, кивнув на пилку: «Это что... помогает в агитационной работе с молодежью?»

«Еще как! – лениво произнес дежурный. – Если у вас ухоженные руки и лицо, если от вас приятно пахнет да к тому же вы обладаете хорошей фигурой, то люди проявят к вам больше интереса, чем к какому-нибудь замухрышке».

Брат Иван, дотеле молчаком заполнявший анкету, поднял голову и сказал: «А я почему-то думал, что в патриоты записываются исключительно малоимущие».

«Скажи еще – «и придурковатые», – добавил я. – Кто это такие – малоимущие? Ты где их видел, кроме себя и меня?»

«Как это где – у нас! – лихо ответил за опешившего брата Ивана дежурный. – Здесь народец, кого ни возьми, сплошь малоимущий и малообеспеченный. Да притом еще и семейной жизнью обойденный. Кстати, а у вас с этим делом как?»

«Хуже некуда, – сказал я. – Ни детей, ни плетей – одна сберегательная книжка на 147 рублей. Я там по какой категории у вас проходить буду?»

Дежурный открыл grossбух, полистал его не глядя и ответил, прикрыв глаза: «По третьей: «Раздельное трехразовое в неделю питание независимо от аппетита с упором на солнечные и воздушные ванны».

«А раздельно от чего?» – с глупой улыбкой поинтересовался брат Иван.

«От еды, – ответил раздраженно дежурный. – Еда отдельно, вы отдельно. И так – три раза в неделю».

«Ну а, предположим, оставшиеся дни недели что делать?» – не унимался брат Иван.

«О Родине думать! – зло выкрикнул дежурный. – Не все же время, извините, жрать. Надо и дух иной раз потешить. Вы вообще-то с какой целью к нам сюда вступаете?»

«Лично я – с карьерной, – охотно поделился своими планами брат Иван. – Хочу выбиться в начальники и командовать Индивидом Матвеевичем, а то он забодал меня своими насмешками».

«Да, да, – согласился, остывая, дежурный. – Индивид Матвеевич – человек удивительно иронический. Прямо-таки под стать своему необычному имени».

Я аккуратно сложил анкету и сказал: «Расскажите-ка лучше нам о ваших побирушках, уважаемый».

Дежурный покосился на меня, сморщив лицо, однако вопрос мой не проигнорировал.

«Ну что, – сказал он, потягиваясь, – есть у нас, к примеру, глава концерна «Золотосереброалмазнефтегазальюминий» некий Сытин А.А. Только что не бомжует, живет в женином доме, ездит на тещиной машине, трем детям платит алименты. Жена в Лондоне, дети – в Женеве, брошенный, никому не нужный мужчина в расцвете сил, практически без средств к существованию. Мы его поддерживаем морально и материально, талоны ему на питание в пельменной у старого кладбища выхлопотали. Ничего, как-нибудь перезимуем... Или вот депутат один известный – того уже третья жена бросила и тоже за границу с детьми смоталась. Все как есть выгребли у него, даже младенец двухмесячный таким злыднем обернулся, что все папашины барбадосские авуары себе прилохматил! Ходит теперь этот наш депутат в каком-то, извиняюсь, спиджачишке и рыбку с утречка перед заседанием на Кутум ловить бегаёт. Мне, говорит, много не надо. Мне, говорит, лишь бы с Родиной ничего не случилось. Ему старушки из древнедевичьего монастыря помогают, от помина отколупывают. Есть у нас также банкиры, бизнесмены, властная элита – и повсюду одна и та же безрадостная картина чисто человеческой беды. Так что богатый, всем довольный патриот – это нонсенс, господа».

Какое-то время мы сидели молча, потрясенные рассказом дежурного. Его монотонная, практически лишённая эмоционального окраса речь странным образом усиливала воздействие какой-то вселенской драмы, случившейся с некогда неглупыми и небедными людьми. Остаться голыми среди духовной пустоши, обобранными самыми близкими людьми – тут не только в патриоты уйдешь, а куда-нибудь и подальше...

«Ну, – начал я, почувствовав, что пауза слишком сильно затянулась, – думаю, выражу общение с товарищем мнение, если скажу следующее: наша небольшая бригада попытается взять на содержание одного мэра и пару банкиров. По третьей категории раздельного питания мы их как-нибудь осилим».

«Что значит – «как-нибудь»? – взвился вдруг доселе молчавший брат Иван. – Должны осилить и не «как-нибудь», а как положено! Да, и вот еще что, пока не забыл: а нельзя ли этому захапистому младенцу жопу напороть, чтобы он папашкины тити-мити возвернул, так сказать, в добровольно-принудительном порядке?»

«Нельзя, – горестно покачал головой дежурный. – Сей поганец... то есть младенец, является гражданином Соединенных Штатов Америки, поскольку был рожден в салоне самолета, только-только приземлившись в Нью-Йорке. Попробуй, дотянись до него теперь».

«Вот сучка, – сказал брат Иван, – нашла где родить – в самом логове врага! А этот засранец прямо сразу из аэропорта побежал свои права качать, что ли?»

«Зачем ему суесться? – усмехнулся дежурный. – На то лойеры есть».

Мы отдали недозаполненные анкеты, которые дежурный не глядя сунул в ящик стола, и пошли прочь из этой юдоли печали. Шли молча и думали, как выяснилось, об одном и том же – о детях патриотов.

Первым нарушил тягостное молчание брат Иван.

«Радуйся, Индивид Матвейч, что за тобой никакого спиногрыза не числится, – сказал он угрюмо. – А то бы видел ты свои 147 рублей в гробу в белых тапочках...»

Я вынужден был согласиться с этим экстравагантным предположением и в свою очередь тоже порадовался за сохранность его финансовой записки. Мы еще поговорили о том, как нам лучше преподнести Христофорычу благую весть о нашем коллективном вступлении в Орден добрых самаритян, и уже у самой проходной вспомнили про узбека, запертого в патриотическом туалете. Я хотел вернуться, но брат Иван отговорил меня, сославшись на то, что узбеку теперь там тепло и уютно, и он, скорее всего, справив нужду, уже сладко спит, свернувшись калачиком на горшке, и с нашей стороны было бы сплошным свинством лишать его такого удовольствия.

Мне хотелось чем-то возразить брату Ивану, но неожиданно перед мысленным моим взором возник пресловутый младенец, с кривой усмешкой показывавший мне кукиш, и я, махнув рукой, направился к турникету. В конце концов, узбек тоже мог вполне быть патриотом, и ему тоже, скорее всего, негде было жить...

Непыльная работенка

Хотите – зарубите себе на носу, хотите – напишите аршинными буквами на лбу: брату Ивану верить нельзя! Восклицательный знак на лбу писать не обязательно, я его поставил больше от общего возбуждения организма, чем от потребности. То есть верить брату Ивану можно только в крайнем случае, когда он, к примеру, кричит «Пожар!» и следом за его криком на вас падает дымящаяся головешка, а просто так на слово верить ему не советую. Для него ведь ничего святого нет. Он, мерзавец, еще до Великой Колбасной революции пришел однажды с утра в курилку и сказал: «Вот вы здесь всё курите, а там колбасу «краковскую» дают».

Мы, помню, бросились со всех ног в продмаг, а там лысо. Всю округу, как голодные собаки, обежали, и везде одно и то же: сухари, которые видели Ленина, и томатный сок из урожая хрущевской «оттепели». Взяли у барыги с расстройства бутылку самогонки и пошли назад, в курилку. А этот демон сидит и покуривает себе, еще и палец указательный в кольца от «Примы» сует.

«Так где же, – спрашиваем мы сдержанно, перебивая один другого, – так где же эту твою «краковскую» колбасу дают?»

«А в Кракове, – говорит брат Иван, посвистывая, – где же еще. Там прямо с моста и налево. Скажете продавщице Зосе Станиславовне, что от меня. Только губы на нее не раскатывайте, я ее уже оприходовал. Ну что, сейчас пойдете или после обеда?»

Бугор наш Христофорыч от возмущения хотел ему подзатыльник выписать, а бутылку в другую руку переложить забыл, демон-то увернулся, бутылка с руки Христофорыча сле-

тела и разбилась о бетонный пол. Грохот был такой, что уши у всех даже заложило, прямо как снаряд шархнул рядом. И хотя много с того дня годов прошло, а уши всё одно помнят...

Так вот, к чему я это? Да к тому, что вчера прихожу опять на работу, прямиком к станку, еще ленд-лизовскому, кланяюсь, как положено, шпинделю с суппортом, и замечаю одним глазом, что брат Иван сидит нарядный в пестрой рубашке и фильдеперсовых штанах и нагло курит «Glamour-101» аккуратно под табличкой «No smoking!» А станина, между прочим, вся в прошлогодней стружке. Я интересуюсь вежливо, чего это он, не переодевшись, сидит вблизи захлавленной станины, так он мне говорит лениво, что, мол, он не просто сидит, а работает так незаметно. Нам, говорит, велено всем вместо обычной глупой работы сидеть теперь и гордиться, и желательно хорошо одетыми.

Я говорю: «Да иди ты!»

А он мне в ответку: «Это ты иди... переодевайся, а то вид у тебя как у бомжа. Кто ж тебе поверит, что ты гордишься».

Тут смотрю – Христофорыч в очках «хамелеон» подруливает, в рубашке батистовой, в галстук с обезьяной на пальме...

«Иди, иди, – говорит, – мил человек, переодевайся, а то ты нам своим паскудным видом гордиться мешаешь. Потом зайдешь за инструкцией», – и сигару офигенную в рот себе сует.

Я пошел. К Тоське рыжей по дороге заглянул, щи похлебал. Пока хлебал, Тоська бесстыжая прямо при мне новую комбинацию, укороченную до пупа, напялила – не иначе как тоже куда-то гордиться собиралась. Я губы вытер рукавом, высморкался в занавеску и сказал: «Большое вам человеческое спасибо, Антонина Сергеевна, за уют и ласку. А за щи вообще базар особый был бы, но не хочу вас более утомлять своим присутствием».

Тут Тоська наглая потянулась со вздохом, отчего комбинашка ее вообще куда-то под мышки спряталась, и сказала громко и ласково, склонив влажные губы к моему уху: «Что-то я не заметила, Индивид Матвеевич, чтобы вы меня хотя бы попытались утомить. Как-то даже интересно было бы посмотреть на вас в смысле утомления».

Ну что с дуры возьмешь... Я как мог раскланялся и побрел восвояси.

Дома надел костюм в полоску в котором был похож на какого-то таджикского актера, причесался и снова отправился на работу. Только не спрашивайте меня, что я там делал до сегодняшнего утра – все одно не скажу, потому что сам не знаю. То есть знать-то знаю, что одну хреновину за день вытачиваю, а вот куда она от меня идет, к чему прикладывают ее потом и где – об этом понятия не имею. Христофорыч сказал однажды, мол, и не надо нам этого знать, потому что если в плен попадем к немцам, то хоть пытай нас они с утра до ночи, все одно мы им ничего не скажем. Я, правда, спросил тогда осторожно: «А к каким, Христофорыч, к немцам?» – на что он раздраженно ответил: «Ну вечно ты дурачком прикидываешься! Будто не понимаешь, что к немцам означает не к самим немцам, а вообще... к немцам в широком смысле».

«А-а, – сказал я, – ну да...»

Что же касается нашей хреновины, то чудится мне, что она непременно должна вставляться в какое-то такое грандиозное устройство, от которого нам всем когда-нибудь будет очень хорошо. Всей стране и каждому в отдельности. Вот понаделаем еще больше этих хреновин, и тогда уж станем гордиться до победного...

Значит, вернулся на работу я после обеда, нашел в дальнем углу за усопшим фикусом сладко дремавшего Христофорыча, доложил о прибытии и стал ждать инструкций. Христофорыч на меня минут пять смотрел под разными углами – и присаживался, и шею вытягивал, и на диван вставал, а потом сказал недоверчиво: «Это ты, что ли, Индивид?»

«Нет, не я, – сказал я. – Может, чего-нибудь дельное скажешь: кем, к примеру, сегодня гордимся, с каким желательно видом, со словами или без?»

Христофорыч почесал затекший бок, поводит туда-сюда взъерошенной головой и ответил с позевотой: «Сегодня гордимся воином Держикраем, который в 927 году после рождения Христова одолел супостата Ильдуса».

«В смысле – замочил?» – навел я уточняющую справку.

«Ну да, – нехотя подтвердил Христофорыч, – в смысле замочил, если ты на «феню» перешел. Морду лица при этом строить необязательно, держать себя лучше в строгости, а слова если и произносить какие, то желательно не матерные. Завтра по распорядку – взятие Кердыка. Не помню только, в каком году мы его взяли...»

«...и главное – на хрена, – добавил самопроизвольно я. – Кстати, где он, этот Кердык?»

«А я почему знаю, – сказал раздраженно Христофорыч и снова зевнул, только теперь со скрипом. – Где-то тут недалеко. Мы вообще для чего собрались в парадной форме – гордиться или вопросы задавать? Иди вон к своему корешу и ему мозги канифоль».

Брат Иван сидел перед неприбранным с прошлого года станком и разглядывал иллюстрированный журнал для мужчин, поощряя увиденное соразмерными возгласами.

«Это ты вот так гордишься воином Держикраем?» – спросил я, заглядывая в журнал.

Брат Иван посерьезнел вдруг, сунул журнал себе под фильдеперсовую задницу и сказал раздумчиво, скосив полуприкрытые глаза на шпиндель: «Вот опять же о войне Держикрае... Ну одолел он этого супостата Ильдуса – и что? Куда ему податься было в 927 году? Адреналин зашкаливает, жрать нечего, баб нет, хоть бы журнал какой паршивенький на глаза попался – ан и тут мимо! Хочешь не хочешь, а обматеришься и пойдешь следующий подвиг совершать. Вы вот, Индивид Матвеевич, к примеру, какой нынче подвиг совершили? Извиняюсь, никакого! А почему, спрашивается? А потому, что жратвы полно, баб еще больше, да и с прессой опять же...»

Тут он приподнялся, достал журнал и, соорудив на лице идиотскую гримасу, принялся листать глянцево-страницы с нескромно ведущими себя барышнями.

А я начал думать о войне Держикрае, и думы эти привели меня к тому, что я решил после работы снова зайти к Антонине Сергеевне и обменяться впечатлениями о первом дне нашей вселенской гордости, а также, коли достанет сил, поговорить с ней еще и о завтрашней годовщине взятия нами Кердыка.

О пользе хорового пения

В понедельник в 16.27 за нашим бугром Христофорычем пришли. И ведь как, блин, подгадали с приходом! В святой день явились, в понедельник, когда народ только-только душой и телом отходит после выходных! Конечно, им так удобнее работать, потому как человек еще не вполне в себя возвернулся и они его прямо-таки голыми руками брать могут, но совесть какая-то должна же быть?

Ну, в общем, пришли. Поздоровались, тут ничего не скажешь, да притом с каждым за руку. Один потолще, другой похудей. Тот, что потолще, похоже, майор, а другой – не больше лейтехи. Все у них было разное, хотя попроси меня теперь описать их одежду и внешний вид наружности – ничего не припомню, будто намазаны они были чем-то склизким от стороннего взгляда – вот только до глаз эта слизь не добралась. А глаза у них напоминали две пары сиамских близнецов – и близостью один к другому, и серым, торжественно уходящим в металл, цветом. Им эти глаза будто в специальной такой глазной картотеке подобрали сперва, а потом уж к лицу приладили. Поначалу даже жуть забирала, потому что чудилось, точно одну пару глаз невидимая сила на разные головы насмешливо переносит. Помню, майор как глянул на меня, так я тотчас сам в себе засомневался и руки непонятно к чему за спину откомандировал. Брат Иван тоже растерялся и начал вдруг станок от стружки годовалой очи-

щать, а на Христофорыча вообще икота напала. И это все притом, что гости еще ничего существенного не сказали!

Я сразу догадался, что пришли они по Христофорычеву душу. В пятницу мы немного посидели, после третьей ударились по обыкновению в воспоминания. Брат Иван вспомнил, как в первый раз напился: пришел домой, в свой, как ему казалось, двор, хотел у колонки лицо сполоснуть, но пока искал ее, свалился с ног и о какую-то железную решетку лицом в кровь разбился. Потеха! Я тоже что-то начал мямлить про школьную подружку, у которой одна нога была мускулистей другой, но Христофорыч, вернувшийся к тому времени с четвертой бутылкой, меня беспардонно перебил на самом интересном месте и предложил выпить за своего деда-белоказака. Конечно, мы охотно выпили за деда-белоказака и принялись потом петь белоказачью песню, которую сроду раньше не слышали, но пели очень задушевно и еще руками себе помогали. Христофорыч заводил, мы же с братом Иваном подхватывали. Эта белоказачья песня чем еще хороша была? Там Христофорыч диштактом парую другую слов протренирует, а мы с братом Иваном тотчас повторяем за ним баритональным басом. И так складно все выходило, будто мы сизмальства этим делом занимались. Тут даже соседний цех работу побросал, приперся к нам в полном составе и тоже подпевать начал. Хорошо еще, что брат Иван бутылку последнюю успел убрать, а то бы в пять секунд ее оприходовали гостюшки дорогие. Вот, видно, и был среди них дятел востроухий и востроглазый... Может, так, может, не так, но два натуралиста пришли же к нам в 16.27 и начали вопросы всякие разные по истории культуры родного края задавать.

Пока Христофорыч икал, они за нас с братом Иваном взялись: какую, мол, мы музыку слушаем, любим ли петь хором, не сочиняем ли после работы каких-нибудь песен или там ораторий. Я сдуру начал отвечать на полном серьезе, мол, нет, ничего такого мы себе не позволяем, хотя что касается ораторий, то иной раз, если достанут хорошенько, это дело случается порой. Конечно, отвечал я нескладно, а как иначе ответишь, когда Христофорыч без передыху икает на тебя?

Лучше всех, надо признать, устроился брат Иван. Он как принялся с самого начала моего допроса пугать Христофорыча, так до конца и дотянул. То есть после его шокотерапии Христофорыч икать не только не перестал, но даже вроде прибавил в обертонах. Махнув на него рукой как на безнадежного, брат Иван поворотился к нашим гостям и спросил строгим голосом: «А вы, граждане, собственно, откуда будете?»

Майор посмотрел на него удивленно и с обидой в голосе ответил: «А из Союза писательских композиторов, разве и так не ясно? Секция фольклора – от Микулы Селяниновича до Нестора Абрамовича. Я – Чайковский, а товарищ – Гоголь».

«Минуточку, – сказал с сомнением брат Иван, – а разве товарищ Гоголь – композитор? Он ведь писатель всегда был и давно еще «Муму» написал. Вы что же, в школе ее не проходили?»

«Обязательно проходили, – с достоинством ответил Чайковский. – Только не ту «Муму», которую Гоголь написал, а другую – Толстого Льва Николаевича. Что же касается вашего остроумного замечания, что, мол, Гоголь писатель, а не композитор, то хочу пояснить вам, что у нас в картотеке значатся два Гоголя – один писатель, а другой, напротив, – композитор. По сути представленных пояснений вопросыки имеются?»

«Нет, – сказал сконфуженно брат Иван. – Что-то на меня затмение какое-то нашло. Это вот все гражданин икает тут и муть на сознание наводит».

«Кто это икает? – мрачно спросил Христофорыч. – Ты лучше за собой следи. А то – икает... Может, я просто поперхнулся».

«Так вот и славненько! – обрадованно произнес Чайковский и кивнул незаметно Гоголю, который тотчас достал из портфеля блокнот с карандашом и взял наизготовку. – Вы нам, уважаемый, собственно, больше всего и нужны. Спойте нам песенку, которую давеча

в нетрезвом виде на секретном производстве пели, а товарищ Гоголь быстренько слова и нотки запишет».

«А на каком это секретном производстве? – недоуменно спросил Христофорыч и вновь икнул. – Тут если и есть секрет, так разве что от нас самих. Мы такие небольшие хреновины по штуке в день вытачиваем, но понятия не имеем, куда их потом девают. Знать не знаем и знать не желаем!»

«Хорошо, хорошо, – сказал примирительно майор Чайковский. – Нам бы все же песенку послушать про белогвардейские страдания».

«Ничем не могу вам, товарищ композитор, помочь, – развязным тоном сказал вдруг Христофорыч и даже сел вальяжно на табуретку. – Нот отродясь не знал, а слова как есть все позабыл. Да я ее и слышал-то один раз в бане лет тридцать назад, мужик ее какой-то противный в парилке тихо пел. Так себе песенка, доложу я вам...»

Майор Чайковский вздохнул и покачал головой. «Расскажите-ка нам тогда про своего деда, – сказал он. – Кажется, дед ваш был белоказак?»

«Да что про него рассказывать? – вопросом на вопрос ответил Христофорыч. – Он в Гражданскую еще погиб, я его на фотокарточке только и видел. Крупный мужчина такой был, в усах и с шашкой».

«А вы сами, извиняюсь, где тогда были?» – деловито осведомился дознаватель.

«Не понял», – сказал Христофорыч с глупым видом и еще ногу на ногу закинул.

«Вы. Тогда. Были. Где?» – повторил Чайковский, чеканя каждое слово.

Я думал, Христофорыч не ответит, но он ответил. Быстро и столь же чеканно.

«Хорошо, – сказал майор Чайковский после всеобщей паузы. – Если мы сейчас занесем ваш ответ в протокол, то от вас потребуются дополнительные сведения. Вы готовы проехать с нами в Союз писательских композиторов, где в тишине и покое мы побеседуем с вами более подробно?»

«Нет, – замотал головой Христофорыч. – Я извиняюсь, граждане композиторы. Сболтнул нечаянно».

«А за нечаянно бьют отчаянно», – подал вдруг голос Гоголь и посмотрел на Чайковского.

«Что ж вы такой нетерпеливый-то, Василий Николаевич, – сказал ласково командир. – Вам бы все бить да бить. С людьми по-хорошему сперва надо. Фольклорная работа тяжела и кропотлива. Отмените свое замечание, чтобы товарищей в заблуждение не вводить».

Гоголь-композитор что-то пробормотал невнятно и пару раз ударил увесисто кулаком по собственной ладони. Чайковский поморщился и вновь повернулся к Христофорычу.

«Значит, текста песни и мелодии вы не помните, – констатировал он. – Но краткое-то содержание вы можете нам пересказать своими словами?»

«Не-е, – протянул кисло Христофорыч. – Я своими словами опять чего-нибудь не то скажу. У меня свои слова не очень хорошо выходят. Пусть вон Индивид Матвеевич расскажет своими словами. Он человек культурный, а я кто – да нет никто!»

Чайковский повернулся к брату Ивану, который всё это время делал вид, что прибирает станок, и сказал, примериваясь взглядом к перфекционисту: «Индивид... какое удивительное имя у вас, однако. Иностранное прямо какое-то...»

Брат Иван побледнел и хотел было объясниться, но слова застряли у него в горле, и мне пришлось прийти ему на помощь.

«Это я Индивид, – сказал я. – Имя греческое, означает «личность».

«Ну, да, конечно, – пробормотал Гоголь. – У нас ведь своих имен мало, нам у греков обязательно надо занимать». И снова вмазал своей несчастной ладони.

Начальник укоризненно посмотрел на него и оборотился вновь ко мне. «Слушаю вас, Индивид Матвеевич», – произнес он приторно.

«В общем... – начал я, откашлявшись, – там один мужик едет с чужбины домой и все удивляется, на что стала похожа его родная сторонка, в которой теперь...»

«То есть, удивляется в смысле положительном?» – перебил меня Чайковский.

«Разумеется, – сказал я. – В исключительно замечательно положительном. Все его здесь радует: и добродушные лица людей, и тихая, интеллигентная речь вокруг, и приятные запахи... Чувствуется, говорит он коню, заботливый здесь нынче атаман! Вот на этом патриотическом выводе, повторяемом трижды, песня и заканчивается».

«Хорошая песня, – одобрил Гоголь, закрывая блокнот и глядя с усмешкой на меня. – Ее бы только товарищу Кобзону петь на каком-нибудь съезде».

Чайковский пожал нам на прощанье руки и пригласил заглянуть при случае «на огонек» в большое серое здание с поэтом-песенником на входе.

Я промолчал. Брат Иван сказал: «Всенепременно», – и с испуга поклонился, а Христофорыч снова заикал.

После ухода композиторов-фольклористов мы какое-то время приходили молча в себя, а потом быстро сбросились по столынику и договорились с завтрашнего дня бросить пить. И все бы хорошо, да это «завтра» приперлось уже сегодня, а сегодня страна отмечает, как на грех, один из особо почитаемых своих праздников – 185-ю годовщину Большого Граненого стакана, и что нам теперь делать, уму непостижимо...

Страшный сон

Не знаю, как вы, а я телевизор иногда люблю смотреть. Там народ такой бешеный показывают – мне делать нечего. Но вот на ночь, извините, я его теперь выключать буду. Есть с вечера перестал, потому что вредно и нечего, и в телевизор глядеть больше не стану, потому что жуть потом забирает. Вот вчера посмотрел последний раз, а там дамочка – ничего, правда, из себя – говорит, что, мол, по данным каких-то социологов, нашего Главковерха поддерживают от 7,1 до 8,5 человека из каждых десяти. И по этому поводу сон мне страшный через час привиделся. Будто иду я себе вечером по улице, а навстречу 8,5 человека бегут. Цельные, полные, значит, варлаганы – чуть приотставши, а половинка – та как с горы на лыжах чешет вперегонки с запятой и еще кричит благим матом в мою сторону: «Стой, окаянный, замри на месте!»

Я, конечно, замер и подумал еще грустно: не иначе, бить сейчас будут... Первой все-таки прибежала запятая, а половинка – почти вровень с ней. Стоят обе молчаком, скрючившись, отдышаться не могут. Я их от нечего делать разглядывать стал. Запятая оказалась по виду прежней ГПТУшницей, а половинка черт-те кем. Я даже не понял, парень это или барышня такая не вполне оформившаяся. Головы у нее нет, кепка какая-то зачуханная с козырьком прямо на шею надета, одна рука тоже отсутствует, оттого пустой рукав при беге гуляет себе плавно во все стороны, и чудится, будто бежит на тебя не урод, а привидение. Лично мне привидение не страшно, урод страшнее.

Так вот, прибегают, значит, остальные – ну, народ всякий разношерстный: там и тетки две какие-то угасающие в панамках, и тупорылый молодняк в маскировочных одеждах, и богато одетые упитанные мужчины с просторными лицами, и даже благочинный один в облачении, прости Господи! Я, значит, улыбаюсь глуповато и от смущения спрашиваю: «А чего это вы, граждане, по улицам бегаете в будний день, и какая, извиняюсь, во мне вам нужда?»

Переведшая дух половинка тут и говорит: «Вопросик небольшой у нас имеется. Вы почему, – говорит на вдохе и одинокую руку в бок упирает, – вы почему, – говорит еще раз на выдохе, – не с нами? Может, вы пиндос какой или извращенец из себя будете? Отвечайте как на духу!»

Я перекрестился на всякий случай и сказал насупленно: «Никакой я не гундос и гундосом никогда не был, а за извращенца можно и по хрюльнику получить, но, во первых, я барышень не трогаю, а во вторых, у вас и хрюльника-то нет».

Тут эта 0,5 как завизжит, как вцепится в меня костлявыми пальцами: «Барышень, говорите, не трогаете? А кого тогда трогаете – юношей?! Извращенец они, и все тут, сами же признали, да и пиндо-сы, скорее всего, тоже!»

«Минутку, – сказал прикостюменный мужичина с розоватыми щеками, отдохавшими на плечах, – как-то грубовато у нас тут все выходит. Что товарищ о нас с вами подумает? Почему, к примеру, он сразу должен быть пиндосом?»

Пока все задумались над ответом, я слегка переместился к оратору и тихо спросил:

«Скажите мне приватно, мужичина, а кто такие пиндосы? Может, я чего не понял, может, я и впрямь нечаянно пиндос, да пока сам об этом не знаю. Только сразу хочу предупредить: если это еврейцы, то я сразу мимо. Можете сами посмотреть у фонаря. А кстати, пиндосы эти ваши – православные или как?»

«Да уж куда там не православные, – встрял в разговор батюшка и поправил на боку какой-то ремень, похожий на португею. – Еврейцы – это еврейцы, а пиндосы – это пиндосы».

«Ну, спасибочки, отец родной, – сказал я с земным поклоном. – Уж объяснил так объяснил! А то я еврейцев не видел. Да тут у вас их тоже, кстати... Вот опять же эта ваша гражданка... или гражданин без головы – они кто? Может, они-то и есть эти самые пиндосы! Как вы это узнаете, если у них головы с носом нет? Так что нечего тут ко мне чалиться! С собой сначала разберитесь».

«Мы разберемся, – ответил мужичина с богатыми щеками, – мы обязательно со всеми разберемся. А что касается вашего замечания, ну, насчет головы с носом... то хочу тоже в свою очередь заметить, что очень уж вы наблюдательны. По сыскному делу в прежнее время не служили?»

«Упаси Бог, – сказал я, – хотя мне ваша личность вроде как бы тоже знакома. Вы лет двадцать назад пивом бочковым у Красного моста на Больших Исадах, часом, не торговали?»

Мужичина резко покраснел, достал платок, вытер без нужды нос, потом плюнул в пространство, протер депутатский значок и ответил с усмешкой: мол, с чего это я, народный избранник, должен был пивом у какого-то там моста торговать?

«А я вот тоже вас еще раньше признал, только спросить стеснялся, – втиснулся в разговор батюшка, управившись наконец с португеей. – И пиво у вас было поганое. Мы с прихожанами даже жалобу писали в горпищеторг. Только оттуда – ни ответа, ни привета. Взятку небось дали тогда проверяльщикам».

«Ах, вон оно как, – сказал, совсем порозовев, мужичина-депутат. – Значит, это вы, благочинный, доносик тогда состряпали! А я-то думал-гадал, кто это дезавуировать меня хочет... И не совестно вам после этого в глаза прихожанам смотреть?»

«Не совестно, вот ни на грамм не совестно, – сказал батюшка и тоже зарделся лицом. – Ладно бы кипяченой водой разбавляли, а то ведь прямо из-под крана, прямо с хлоркой и бактериями».

«А вы что, черпак мне подносили? – усмехнулся мужичина-депутат. – Исключительно отварной водой пользовался, хотите – лоб перекрещу! Так даже если и с хлоркой, то бактерии в хлорке долго не живут, чтоб вы знали!»

Пока они переговаривались, я боком так двинулся втихаря к проулку, но далеко не ушел, потому что был тотчас задержан двумя увядшими гражданками в панамках. «Ишь вы, шустрый какой, – сказали они в голос, – улизнуть хотели!»

«Ничего и не хотел, – отнекался я. – Живу просто тут рядом. Третьего дня ушел и все никак не дойду с вашими чертовыми проверками. Могу вас с собой взять для компании».

«Конечно, нашли дур, сейчас галоши наденем и бегом побежим, – вразной заверещали тетки, а одна от возбуждения даже рассупонилась. – Знаем мы эти ваши пиндосские «танцы-шманцы-обжиманцы». А там того гляди и надругаетесь, дорого не возьмете! Вы вот, к примеру, откуда так поздно домой идете пустынными улицами?»

«Из оперного театра – откуда же еще поздно ходят», – отбрил я любопытствующую.

«И что же там давали?» – не унималась она и даже панамку скинула в азарте.

«Да в том-то и дело, что ничего там не давали, – сказал я правду. – Пели там да руки к груди прикладывали. Помещение само, конечно, видное, а вот буфет слабенький. Хорошо хоть билеты бесплатные, не то бы и подавиться не на что было после этих арий. Певунам-то что, они перед этими ариями поели как следует, а у меня тут в животе свои арии с голодухи».

«Да, – сказала закорючка, – вид у вас мрачноватый. Не нравится вам, похоже, наша жизнь».

«А чего в ней хорошего, – сказал я. – Вон в том же буфете пирожок какой-то еле видимый и непонятно с чем сто рублей уже стоит».

Тут все, как по команде, дружно замолчали, и мужчина-депутат весело сказал, ловко закинув щеки за плечи: «Вот вы, батенька, и открылись. Теперь по театрам ходят одни пиндосы, и они же ценами возмущаются. Поздравляю вас с прибытием!»

От толпы молча отделились молодые люди в спецухе, но тут на мое счастье из соседней улицы нам навстречу выдвинулись 7,1 человека, причем одна десятая, хотя и была росточком меньше закорючки, катилась шариком быстрее всех.

Ироды мои тотчас набычились, образовали ловко тевтонскую «свинью», во главе которой опять же поставили половинку, и беглым шагом направились к сопернику.

Чем там у них все завершилось, не знаю, потому как следом проснулся и, отдышавшись, дал себе зарок на ночь больше телевизор не смотреть.

Да и в оперу не ходить... с таким-то позорным буфетом.

Брат Иван и духовная скрепа

Чтобы там ни говорили, а имя человека все же определяет его судьбу. Вот назови меня папашка каким-нибудь Варфоломеем или Дорофеем, и всё – госзаказ на изготовление опытного образца духовной скрепы достался бы мне, а не брату Ивану, станина которого уже год и восемь месяцев в металлической стружке, несмотря на многочисленные протесты трудящихся. Зато у него – имя! Христофорыч, рулила наш, сразу сказал вслух, что будет поддерживать на совещании мою кандидатуру, но разве против имени попрешь...

Вот пришел он на совещание, а ему говорят, что-то, мол, мы запомнили, как бишь зовут вашего протеже? Христофорыча, само собой, от незнакомого слова заклинило. Он начал перебирать в уме все матерные выражения, но ничего близкого и на дух не нашел. Члены комиссии выпили чайку с сахаром вприкуску и хоря придавали секунд на двести семьдесят семь, пока один, страдавший бессонницей, не повторил вопрос, заменив французское слово русским. Христофорыч покачал головой и ответил гордо: «Индивид». На что председатель комиссии, тот еще хмырь болотный, у которого внучатая племянница в прошлом месяце нег... пардон, афроамериканца в подоле принесла, сказал, возвысив голос: «А почему это у тебя человек с таким именем вообще работает на секретном производстве?» Христофорыч, если верить ему на слово, огрызнулся: во-первых, мол, считать те хреновины, которые мы второй год вытачиваем, секретными можно только с солидного похмелона, а во вторых, человек за имя свое не отвечает. Вроде бы вставил ему фитиля, но урод-председатель тут вообще на крайнюю низость сподобился – взял и назвал меня при всех «ироническим» гражданином! Тут уж, конечно, Христофорыч увял, потому как посчитал западло

интересоваться у остолопа, а что означает слово «иронический». Так-то он навскидку и сам понял, что ничего хорошего оно не сулит, но в дискуссию вступать поостерегся.

Когда я объяснил ему все, он тихо матюкнулся и сказал: «Только и всего? Так это и меня можно таким же словом обозвать!»

«Нет, – покачал я головой, – ты не иронический, ты – сардонический гражданин».

«Это лучше или хуже?» – насупившись, поинтересовался Христофорыч.

«Да как тебе сказать... – замялся я. – По сути, это уже начало обвинительной речи прокурора».

Старт назначили на пятничное утро, что сразу же было положительно оценено Христофорычем, который сказал бодрым голосом, что, мол, в пятницу сам Бог велел... Тут он, надо заметить, угадал.

Мы пришли спозаранку... и не узнали своей берлоги. Кругом было светло, чисто, пахло альпийскими рододендронами, а вдоль стен на импровизированных трибунах сидели молодые люди с государственными флагами и партийными флажками, время от времени что-то гортанно кричавшие. Были тут и самодельные транспаранты в поддержку духовной скрепы и ее изобретателя – небольшого, застенчивого человечка, в лице которого временами, однако, мелькало что-то иезуитское.

Я прислушался к речевкам и уловил нечто вроде «это вам не рэп, а духовный скрэп». Больше мне ничего разобрать не удалось, потому что на сцене появился брат Иван, облаченный в форму космонавта, и мощный рев трибун заглушил все.

Брат Иван раскланялся, собрал цветы и вошел в прозрачное шапито, в котором находился его токарный станок, очищенный, к слову, от стружки.

Во мне было приподнял голову завистливый уродец, но я дал ему пинка, и он куда-то сгинул. Брат Иван в своем скафандре, надо признать, был весьма импозантен...

И тут меня тронул за рукав Христофорыч. Я пошел уныло за ним, а на выходе нас остановил председатель комиссии, ну, тот самый, у которого внучатая племянница... вот, и сказал, что нас сейчас снимать будут в телевизор и чтобы мы пару ласковых слов сказали про брата Ивана, как, стало быть, его сподвижники.

Я промолчал, а Христофорыч сразу начал шебуршать что-то о своем внутриутробном дефекте, выражавшемся во врожденной робости перед телекамерой и микрофоном, и шебуршал бы до обеда, коли председатель комиссии, у которого внучатая... ну, да, не вытащил бы молча из портфеля литровку «Слезы младенца», от чьего вида христофорычеву робость вкупе с внутриутробным дефектом как ветром сдуло.

Мы пошли в нарядно прибранную курилку, отрядив председателя комиссии, у которого... блин, кажется, я его уже представлял, значит, отрядив его за беляшами к Марфуге Темиркулбулатсадыковне – вот ее-то вы совсем не знаете и никогда не узнаете, потому что, по гениальному выражению брата Ивана, лишние рты нам как-то ни к чему.

Честно говоря, мы надеялись, что успеем до прихода «криспондентов» (а вот это уже христофорычево) усугубить свою меланхолию, так председатель комиссии, у... вот, блин, привязался, – пришел не только с беляшами, но и целой оравой живоглотов, которые по пути к нам уже раскрутили его минимум на пару чебуреков.

Мы сели за стол, Христофорыч налил по единой себе, мне и председателю... м-да, а телевизионщики сделали вид, будто проверяют аппаратуру.

Первое слово предоставили, само собой, Христофорычу. Он степенно доел беляш, вытер жирные пальцы о лицо и кивнул всем сразу. Режиссер сказал: «Мотор!», и бугор наш сообщил, запустив руку в остатки волос, что, мол, и не думал дожидать до того дня, когда брату Ивану доверят что-нибудь приличное. Человек он хоть и неплохой местами, но какой-то мутный. Вот взять для примера день его рождения. Много вы знаете людей, которые родились 29 февраля? Вот то-то и оно! Поняли, в чем тут заковыка? А в том, что разок выставил

чего-нибудь там по мелочевке, а потом ходи четыре года по чужим дням рождения и жди не спеша свой високосный...

Тут и я не удержался и в тему добавил, дескать, странности такого рода и позже замечались у этого, с позволения сказать, народного любимца. Как-то в молодости играли мы шумную музыку на гитарах, все нормальные гитары по 19 руб. 47 коп. приобрели, а брат Иван приперся с какой-то детской игрушкой за 5,23.

«Минутку, – сказал осоловело председатель, – а не был ли он в детстве еврейцем? Уж больно хитро у него все получалось, как я вижу».

«Стоп, стоп! – махнул рукой режиссер. – Вы что это тут мне антисентиментализм разводите? Скажите то же самое, но без еврейца».

Председатель открыл было рот, однако словом не разжился. Помолчав же, спросил: «А кого же тут тогда приклеить?»

«Да какого-нибудь африканца, – сказал режиссер. – Даже лучше чего-нибудь такое... месопотамское».

«Минутку, – после паузы повторил с выражением председатель, – а не был ли он в детстве этим... как его... месопотамцем? Уж больно ладно у него все получилось, в натуре!»

Вопрос повис в дезодорированном воздухе. Первым не выдержал напряжения Христофорыч. Он снова стальной рукой налил по единой, и мы снова выпили.

«Кажется, я с этим месопотамцем немного того... вы как считаете?» – вздохнув, спросил председатель.

«А мне сдается, что наоборот – месопотамец как-то сразу разрядил обстановку», – сказал я.

«Да ты ничего, оказывается, парень, – похвалил меня председатель. – Зря я на тебя тогда на собрании наехал этим... «ироническим» человеком. А как у нас там, интересно, на трудовом фронте дела обстоят?»

Послали гонца, который вернулся вскоре с дурной вестью: первую духовную скрепу брат Иван запорол. Естественно, по старой православной традиции мы помянули ее молча, без чоканий и на всякий случай горестно повздыхали, пока гонец вновь не пришел и не сказал радостно, что вторая духовная скрепа, кажется, пошла у брата Ивана как надо. Понятно, что и благовестие не осталось неотмеченным, после чего мы закурили и продолжили разговор на возвышенные темы.

«Я вот только одного не пойму, – сказал Христофорыч из-под стола, выискивая там упавший, по его мнению, давеча беляш, – как эта самая духовная скрепа работать у нас будет?»

Мы было напрягли слух, ожидая дальнейших размышлений из-под стола, но Христофорыч появился на поверхности почти тотчас, и по его хмурому виду можно было заключить, что пирожок он не нашел.

«Концептуально?» – уточнил неожиданно для себя председатель и с испуга тоже заглянул под стол.

«Как-как?» – закакал смешно Христофорыч.

«А по типу мента, – вздохнув, пояснил председатель. – Того не можно, эту нельзя...»

«Но какую-то вообще можно или вообще никакую нельзя?» – спросил, раздражаясь, Христофорыч.

Мы помолчали, думая каждый о своем. И о том еще, что теперь единило нас всех – о духовной скрепе, которую брат Иван сейчас вытаскивал, потя, верно, от напряжения и нечеловеческой ответственности.

Как токарь я был, конечно, квалифицированнее его, но и тоже был рад, что не на меня пал выбор. Не знаю, почему, однако мне не хотелось быть причастным ко всей этой мортифлютике. Вот наточат сейчас сто тысяч миллионов этих самых духовных скреп, повесят их

каждому на шею, и будут люди втихаря проклинать тех, кто их этой хреномантией отяготил. А брат Иван в конце концов отхватит звание заслуженного токаря России и примкнувших к ней сдуру пространств...

Тем временем «криспонтент» присоседился к Христофорычу.

«Вот вы, я вижу, тут самый древний, – сказал он развязно. – Песок, если можно так выразиться, из вас сыпется, одной ногой, поймите меня неправильно, уже там... в некотором роде, – так признайтесь как на духу: польза от этой скрепы будет какая-нибудь?»

«Всенепрерменно, – подумав, ответил степенно Христофорыч. – Коли была эта скрепа сей секунд при мне, я бы ей так тебе по башке твоей бестолковой отоварил, что ты сразу бы пошел искать пятый угол».

«Браво! – сказал председатель. – Эта пресса совсем охамела. Вот хотел вам налить, а теперь не налью принципиально».

«Да ладно, чего уж там... – втянулся и я в разговор. – Дай ему, Христофорыч, в лобешник просто так, без скрепы, да покончим с этим позорным делом».

И не успел еще я договорить, как старпер наш примерился и врезал нахальному «криспонтенту», который ловко шлепнулся с табуретки на пол.

«Батюшки святы! – сказал он снизу. – Это чего это тут беляши необхоженные валяются? Налейте-ка мне в возмещение морального вреда».

Председатель протянул ему рюмку, вспомнил нехстати про внучатую племянницу и тяжело вздохнул. Но тут заиграла музыка, и, сопровождаемый овацией, в комнату вошел брат Иван. Был он устал и мрачен.

«Ты на побывку или совсем?» – спросил я.

Вместо ответа он молча протянул мне железячку, от которой во все стороны исходило сияние. Это была духовная скрепа. Черт побери, она и впрямь глядела красавицей! Моя рука дрожала, облапывая ее. На ощупь она была теплой и уютной, с тонкой талией и с застенчивым, как у папаши, взором. Будь она барышней, я бы тотчас на ней женился.

На какое-то время в курилке воцарилось молчание, а потом все вдруг разом ожили, зашумели, и красавица моя пошла по рукам, так и не дойдя со мной до ЗАГСа.

Брат Иван хотел было переоблечься, но мы уговорили его повременить, покуда все не сфотографировались с ним в прикиде космонавта.

А далее последовало духовное общение, и длилось оно до полуночи, с тремя дополнительными походами в магазин, пока не пришел разбуженный шумом ночной сторож (тот еще хмырь болотный!) и не погнал нас вместе со скрепой к едрене-фене.

Ватагой мы шли по пустынным улицам, то и дело спотыкаясь о колдобины, а то и сваливаясь в открытые настежь канализационные люки, но настроение у всех было приподнятое, горделивое, и никто не жаловался на жизнь. Даже председатель, у которого внучатая племянница родила месопотамца, и тот, с трудом поднявшись после очередного падения, неожиданно для всех произнес прочувственную речь, посвятив ее тяжелому положению нацменов в мире и нашему единственно правильному отношению к ним. Мы хотя и промолчали, однако каждый отметил про себя, что без благотворного влияния духовной скрепы дело здесь не обошлось.

Луна была полноликой, собаки, в изобилии бежавшие за нами, радостно лаяли и крутили хвостами, где-то невдалеке с высокой крыши нудно пел о своем муэдзин, скрепа в руках брата Ивана, так и не снявшего скафандр космонавта, сияла в сизом свете – в эту минуту мы все были счастливы и умиротворены. Похмелье, конечно, будет тяжелым, как надгробная плита, но мы все преодолеем. Планида наша такая – всё всегда назло врагу преодолевать, тут уж ничего не попишешь...

Критика

Лев Аннинский

Родился 7 апреля 1934 года в Ростове-на-Дону. Окончил филологический факультет МГУ. Выбора профессии не было – был выбор специальности, каковою стала русская литература. Еще в 8-м классе, с первых сочинений, Лев решил заниматься ею и только ею.

Как ни странно, первая его собственная публикация оказалась в жанре карикатуры. Рисунки были напечатаны в университетской многотиражке и в газете «Московский комсомолец». Первый текст, прошедший в печать, появился в той же университетской многотиражке осенью 1956 года. Это была рецензия на знаменитую публикацию того времени – роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». Дальше последовала череда «редакционных коллективов» и изматывающая тяжба за каждое слово в каждой публикации. С тех пор у Л. Аннинского вышло порядка двух десятков книг и тысяч пять (!) статей. Однако наиболее значимым из всего написанного он считает тринадцатитомное «Родословие», составленное для дочерей и не предназначенное для печати.

Перу Льва Анненского принадлежат книги: «Ядро ореха. Критические очерки» (1965), «Обрученный с идеей. («Как закалялась сталь» Николая Островского)» (1971), «Василий Шукшин» (1976), «Тридцатые-семидесятые; литературно-критические статьи» (1977), «Охота на Льва (Лев Толстой и кинематограф)» (1980, 1998), «Лесковское ожерелье» (1982, 1986), «Контакты» (1982), «Михаил Луконин» (1982), «Солнце в ветвях (Очерки литовской фотографии)» (1984), «Николай Губенко» (1986), «Три еретика. Повести о Писемском, Мельникове-Печерском, Лескове» (1988), «Culture's tapestry» («Гобелен культуры») (1991), «Локти и крылья. Литература 80-х: надежды, реальность, парадоксы» (1989), «Билет в рай. Размышления у театральных подъездов» (1989), «Отлетающий занавес. Литературно-критические статьи о Грузии» (1990), «Шестидесятники и мы. Кинематограф, ставший и не ставший историей» (1991), «Серебро и чернь. Русское, советское, славянское, всемирное в поэзии Серебряного века» (1997), «Барды» (1999) и другие, а также циклы статей в периодической печати, программы на радио.

Лев Александрович – знаток литературы, признанный критик, изучает процесс во всем его многоликом единстве.

Краеугольные вопросы

...По ходу чтения «Российской матрицы»

В. Никонова.

«У славян как народа земледельческого и оседлого соседские связи оказались сильнее родственных, которые больше характерны для народов кочевых, скотоводческих и разбойных».

Вячеслав Никонов. «Российская матрица».

Однотомник Вячеслава Никонова «Российская матрица» – краеугольный камень в бесконечно угловатую стену нашего самопознания. И по весу тома, и по объёму. Около тысячи страниц изрядного формата (24 на 17) и убористого шрифта (80 печатных листов). Плюс 36 страниц примечаний (две с половиной сотни ссылок на авторитеты исторического знания всех времён и народов) – огромное количество цитат, подтверждающих или развивающих точку зрения автора, уже ставшего знаменитым в читательских кругах.

О чём речь?

О том, к какому типу цивилизации отнести Россию. О том, как российская цивилизация менялась на протяжении тысячелетия. О том, откуда она взялась. И куда денется.

20 глав собраны в три части: I – Россия; II – Советский Союз; III – Российская Федерация. Все 20 глав не перечисляю; выборочно: «Империя и нация», «Война и мы», «Россия и западная система», «СССР и западная система», «Россия в мире» («Мягкая сила» и «Русский мир»).

Чтение захватывающее, утверждающее, озадачивающее. С первых же страниц.

На первых страницах (на первой сотне страниц) речь идёт о том, почему российская матрица должна была возникнуть в данной географической среде и исторической судьбе.

Среда и Судьба

Сначала о среде.

Безграничье пространств, отсутствие чётких границ. Холод...

«Россия – самая северная и самая холодная страна в мире. Две трети её территории покрыты снегом две трети года... Москва – весьма тёплое место по российским меркам – является самой холодной столицей мира (соревнуясь за этот титул с Оттавой и Улан-Батором)... На широте Москвы, скажем, в Канаде почти никто не живёт: все крупные города южнее. Континентальный климат предопределяет огромные перепады температур...»

Как сказывается на характере жителей «вызов дождей и морозов»?

Надо быть готовыми к неожиданным броскам в пространстве – соответственно броскам климата.

Есть куда бросаться? То ли это спасение, то ли проклятье.

«Расстояния – наше проклятье» (Александр I).

«Только расстояния и существуют в России» (Кюстин).

«Из-за мороза в России мало кому хотелось задержаться, а тем более жить» (Клаузевиц).

«Беспредельность среды обитания породила такие черты русского национального типа, суть которого передаётся трудноопределимыми понятиями: «неуёмность», «бескрайность», «неподатливость», «своевольность»... Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли: та же безграничность, бесформенность, устремлённость в бесконечность, широта» (Бердяев).

Всё точно, не поспоришь.

Другой сюжет, подстерегающий русского человека в его немерянном пространстве, – коварство земли, точнее, почвы, ещё точнее – пашни.

«Считается, что цивилизация начинается тогда, когда зерно воспроизводит себя как минимум пятикратно, тогда значительная часть населения может освободиться от необходимости производить продовольствие и обратиться к другим занятиям»... Например, в Англии. Но не у нас. «У нас короткое время полевых работ не оставляло места для новаторства и экспериментов: один неверный шаг, потеря нескольких дней – и впереди маячит голод... Хозяйство русских крестьян базировалось на сжатом цикле полевых работ, предполагало способность к тяжёлому и героическому труду, в течение короткого сельскохозяйственного сезона, когда крестьянам приходилось работать на износ... Возможно, именно от страды и произошло слово «страдание»...

А после страды?

«Шесть-семь месяцев в году земледелие невозможно из-за погодных условий. Крестьяне мастерили мебель и домашнюю утварь, пряли, шили одежду, заготавливали дрова, ходили за скотиной, что создавало тип разносторонне развитого, выносливого, энергичного, но необязательно готового к постоянному труду человека...»

«Россияне действительно способны на кратковременные героические усилия больше, чем на систематический труд».

«Умелому и трудолюбивому человеку с «золотыми руками» прощалось и пьянство, и непорядочность, и даже воровство».

«Загульные формы релаксации – ив минуты, и в долгие зимние месяцы отдыха...»

«Исключительная стойкость к ударам судьбы: люди веками одинаково готовы и к подаркам природы, и к бедствиям. И готовы, как Феникс, восставать из пепла».

Абсолютно точная парадигма! Согласен с каждым словом. По этим сюжетам российского самоосознания у меня нет вопросов.

Вопрос есть по третьему сюжету который связан с государственным и культурным устроением этой земли.

Русь – на стыке Европы и Азии – в этом «проходном дворе» человечества (охотно подхватываю у Никонова этот образ).

Строить что-нибудь на проходном дворе – значит откуда угодно ожидать «прохожих», в том числе и незваных. Спасение от них – наши огромные расстояния и плохие коммуникации, а также леса и болота – с севера, с запада. Хуже дело обстояло с южными рубежами. Там «на равнинах, тянувшихся от Монголии до Карпат, безраздельно властвовали воинственные кочевые племена... Кочевники были исключительно хорошо подготовленной и приспособленной к любым трудностям кавалерией», и им никто не мог противостоять на поле боя. «Борьба с кочевником, половчанином, злым татаринном – самое тяжёлое историческое воспоминание российского народа...»

Первое, что хочется сделать, читая эту экспозицию, – уравновесить мотивы сторон. То есть выслушать и другую сторону. Что такое «тысячелетнее и враждебное соседство с хищным степным азиатом» (Ключевский) – мы знаем. Но какой представлялась этим азиатам попадавшаяся на их пути череда оседлых городов – знаем ли? не поискать ли ответа у Льва Гумилёва?

Так вот мои вопросы Вячеславу Никонову: а мы, нынешние россияне, – не потомки ли также и тех кочевников? Поскреби нашего пахаря – не сидит ли в нём казак? И как оказалось соседство сильнее кочевого разбоя в истории нашего Отечества? И как соседские связи перешли в связи родственные?

Ищу ответа на четвёртой странице обложки книги, где дана краткая и яркая авторская аннотация того, что в ней изложено.

«У нашего Отечества великое прошлое, – пишет Никонов. – Ветвь арийского племени спустилась с Карпатских гор, мирно заселила Великую Русскую Равнину, Сибирь, самую холодную часть планеты, дошла до Тихого океана, основала Форт Росс, впитала в себя соки богатейших культур Византии, Европы, Азии, разгромила страшнейшего врага человечества – нацизм, проложила человечеству дорогу в космос...»

Подписываюсь под каждым мотивом этой симфонии. Безоговорочно – почти под каждым. Потому что под первым мотивом – с оговоркой.

Да, ветвь арийского племени, спустившаяся с Карпатских гор, достойна памяти. Но где другие ветви? Другие племена, оказавшиеся на «проходном дворе» и вошедшие в общий «сплав» – в многоэтничное единое целое? Иногда в ходе борьбы, но чаще добровольно. Где казаки-бродники южных степей – Причерноморской, Приазовской, Прикаспийской? Где породнившиеся с «прохожими» насельники Северного Кавказа? Где родные наши челдоны, родные волжане, родные уральцы, вжившиеся в наш общий сплав? Где все наши родичи, хранившие общие думы во глубине сибирских руд? Они что, так и не входят в российскую матрицу?

Какая мы империя

В книге Вячеслава Никонова глава «Империя и нация» – одна из самых интересных. Не только по причине исчерпывающей обильности и плотности материала (в этом смысле в книге все главы замечательны), а по тому, какой злободневностью пропитались эти два слова на переломе от проклятого XX века к загадочному XXI. И «империя». И «нация».

Мир въехал в горячку национальных проблем, граничащих с этнобесием. Понятие империи становится пугалом. Изначальное значение латинского термина («законная власть», «суверенное право») никого не убеждает, а то и не интересует. Какое там «право»! Вы сначала спросите у испанцев, куда делись «величайшие цивилизации» ацтеков и инков, вполне достойные ранга «империй», пока их не сбросили в океан более «достойные»...

Кстати, о воде. Одно дело – приобретать колонии за морями и океанами и выкачивать оттуда что можно, и другое дело – строить на окружающих землях деревянные крепости, а потом соединять их железными дорогами, чтобы вкачивать в эти земли новые и новые средства...

Вопрос, который сразу возникает применительно к Руси: как нам разъехаться (словесно) с империей Чингиза, то есть с Ордой, в состав которой въехала (против воли) древняя Русь?

Ответ Никонова: в период Ордынского господства Русь не была империей, но стала частью империи Чингизидов, то есть узнала, что это такое. Выдержала дорогой ценой, но и научилась многому, в том числе умению заполнять геополитический вакуум, что определило её собственный путь по осколкам распавшейся Орды.

Теперь самый острый вопрос: этот путь Руси к империи был ли изначально окрашен этнически в какой-нибудь определённый цвет?

Чем стала Россия: империей или национальным государством?

Никонов на такие вопросы отвечает со взвешенной осторожностью: «И тем, и другим».

Вот и посмотрим, чем конкретно-исторически наполняется то и другое.

Если отвлечься от того, какие обострённые эмоции вызывает сегодня национальный вопрос, – были ли в истории, вообще говоря, этнически заряженные империи, или «суверенное право» собирало людей в империи независимо от состава крови?

В принципе – независимо. В конкретных случаях – иногда зависимо. Как в империи Карла Великого, строившего государство именно для франков, а не для «человеков вообще». Да мало ли примеров в истории, когда империи оказывались практически мононациональными, хотя в замыслах вовсе не были таковыми. Немцы (между прочим, потомки франков) довели этот вопрос до последней ясности, перехватив для начала Священную Римскую империю для германской нации, а потом доведя эксперимент до чудовищного гитлеровского финала.

Российский эксперимент – диаметрально противоположен по смыслу, то есть по замыслу и исполнению.

Русь изначально – не этнос. Русь – место. Дружина. Общее дело. (Никонов употребляет термин «плавильный котёл», я предпочитаю «многожильный провод»). А суть такая: проделав поход-другой (пограбив греков в Византии), дружинники возвращались в родные места уже не кривичанами, словенами или мерей, а – русами. Прослужив несколько лет в единой культурной среде, они входили, вращались, вживались в новую общерусскую народность, корни которой – славянские, финские, тюркские – уточнил впоследствии Ключевский, но корона со времён грозных Иоаннов и ко временам матушки Екатерины сделалась самоочевидна.

Два авторитетных свидетельства о том, как складывалось это полиэтничное целое.

Матушка Екатерина: «Мы взяли только своё».

Внук её, Николай Первый: «Оставьте финнов в покое».

Что есть правда? «И то, и другое».

А истина, окончательная? Ни там, ни тут.

С финнами у Николая действительно не было проблем: они в его государстве не бунтовали. Но три эпохи спустя, попав в ловушку «зимней войны», проявили характер, и вообще в XX веке больше симпатизировали не России (сталинской), а Германии (гитлеровской).

Вот и стань самим собой, оказавшись меж жерновов. Но и характер вырабатывается крепкий. Характер народа – иногда камень преткновения. Башкирам предлагались «земли для распашки», но они настолько привержены были традиционному скотоводству, что поддержали пугачёвское восстание... впрочем, потом примирились – с московской властью, одержавшей верх.

А украинский характер! Екатерина (немка, между прочим), говоря о «своём», имела в виду польские земли (после разделов), но настолько врезала в сознание «малороссов» слово «Новороссия», и оно по сей день кровоточит. Со времён Мазепы – «постоянные кровавые схватки между искателями гетманской булавы, метания казаков между Россией, Польшей, Крымом и Османской империей» и вообще – «казачья простота» украинского душевного настроя – всё это было настолько противно государственным понятиям и Петра, и наследницы его Екатерины (и он, она – Великие в сознании русских), что «колонизация» Украины Россией – это просто абсурд.

Так что это было? Что предлагали русские тем, кого втягивали в свою империю (в том числе и украинцам, братьям по этнокорню)?

Не ассимиляцию! А готовность обеспечить «аккультурацию и лояльность» окружавших Русь пространств, где не было прочных национальных государств (лишь осколки Орды), а было относительно мирное этническое чресполосье на малоосвоенных полупустых территориях, пересекаемых кочевыми тропами.

Никакого насильственного обрусения – только добровольное! Смешанные браки! Мирное сосуществование и взаимосмешение на почве экономической выгоды (ясак – «мягкое золото») в обмен на служилое сотрудничество. Как только местные царьки после первых схваток убеждались в превосходстве ружья над луком и стрелами, они прекращали вооружённое сопротивление и сразу получали от московской власти ощутимые социальные привилегии – при неприкосновенности старых верований и обычаев, родоплеменных и инославных.

Что же до «эксплуатации трудового народа» родимыми захребетниками, то русский мужик ощущал этот хомут покруче, чем местные жители, которые быстро оценивали преимущества нового этапа цивилизации и богатели быстрее окрестянившихся казаков-пришельцев.

Опять-таки, две, три эпохи спустя, при расцвете, а потом при распаде Советского Союза русские повторяли, что национальные окраины (республики) кормятся за их счёт!

Кто кого кормит – вопрос для экономистов, а этнокультурное взаимодействие в рамках «империи» – факт. Факт огромной значимости. Подкреплённый историей России. Тем, например, что российское дворянство было уникально по этносоставу: знатные фамилии – татарские, польские, остзейские, немецкие, украинские... И тем, что эта традиция при Ленине и Сталине переходит через все социальные перевороты и превращается в официальную идеологию интернационализма. Потому что отвечает характеру русских, которые при всех режимах чувствуют себя не столько «отдельной нацией», сколько «авангардом человечества» и «единением народов».

Как потом ни пытались переименовать это явление! «Лоскутная империя». «Исторический эксперимент мировой значимости». И т. д. в оба края.

Дойдя до краёв евразийского «воспринимающего пространства», упёрлась Российская империя в естественные рубежи. Тут уж хватило и слёз, и крови. Буряты, например, «без особого сопротивления приняли российское подданство», а потом взбунтовались из-за самодурства русского атамана, которого и имя-то мало кто теперь помнит. Зато польское упорство на западных границах империи помнят все. И «крымский ужас». И веками сохраняющееся непокорство «черкесо-адыгских племён», заставившее Россию «увязнуть» на Кавказе, да и теперь не иссякшее.

Края поставили пределы. Но добровольное обрусение означило для народов империи великое цивилизационное благо. А для характера русских, как этот характер складывался по ходу общего единения, – подтверждением и развитием нашей уникальной «всеотзывчивости».

Раем или адом должно показаться это шествие империи по крутоярам Истории?

«И тем, и другим», – ответил бы Никонов.

Будем хранить историческую память, чтобы не путать одно с другим.

«ЖИТЬ СПОКОЙНО?»

Что существенно: Никонов, высказываясь в поддержку или против излагаемых им концепций (по части истории России), всегда сдержан и взвешен в своём мнении. «Склонен согласиться», «Всё-таки не соглашусь» – вот крайние степени его оценок. Зато, как правило, источники он цитирует обильно. И эта щедрость знаменательна для историка: читая приводимые им суждения авторитетов (иногда часто цитируемые, но чаще уникальные), он выходит далеко за пределы общеизвестных фрагментов и позволяет нынешнему читателю самому взвесить доводы сторон.

Так, он обильно цитирует работу Карамзина «О древней и новой России в её политическом и гражданском отношении», где великий историк объясняет своим современникам смысл Великой Французской революции. Там много откровений для нынешнего читателя («Власть порядка есть для народов не тиранство, а защита от тиранства»), но одно место из этого карамзинского текста поставило меня перед вопросом, на который я не нахожу лёгкого ответа:

– А как мы, по милости истории подпадающие то под одну, то под другую «власть порядка», должны, попросту говоря... жить?

Карамзин отвечает: «Мы, частные люди (читается как «честные» – Л.А.), должны жить спокойно, повиноваться охотно и делать всё возможное добро вокруг себя».

Ну, и как? А если безумная эпоха так скрутит, что «вокруг себя» сделать что-нибудь доброе невозможно, – что тогда? Хорошо жить спокойно в мирное время, охотно повиноваться разумным правилам, а если выпадет время катастрофическое? И ты никуда не можешь деться от своего народа, в смертельную круговерть попавшего: и бросить его не можешь, и броситься от него некуда – везде тотальный ужас. Мы такие ситуации знаем не только из книг, мы их сами переживали. И, боюсь, ещё будем переживать. Что делать, если ты не можешь предать свой народ (свою страну, свою нацию, свою партию, наконец!) и должен оставаться в этой тотальной системе?

Оставаться и делать то, что вынужден, но невынужденного зла! А делать добро там и так, как это только возможно.

Предчувствовал, что ли, Карамзин то, что было уготовано нам историей в эпоху мировых войн и тотальных диктатур?

Наверное, предчувствовал...

А Чаадаев? Скандальные его «Философические письма» Никонов цитирует обильно (а также и широко известный ответ Пушкина: «ни за что на свете» нельзя «переменить Отечество и иметь другую историю»).

Отношение Вячеслава Никонова к этому достославному спору просвечивает в обороте «головокружительный вираж», который годы спустя совершил Чаадаев, признав право России следовать собственным путём (а не западным).

Меня в этом общеизвестном головокружении озадачивает опять-таки косвенное замечание Чаадаева в процитированном фрагменте «Писем»:

«Мы растем, но не зреем; идем вперед, но по какому-то косвенному направлению, не ведущему к цели... Мы принадлежим к нациям, которые, кажется, не составляют еще необходимой части человечества, а существуют для того, чтобы со временем преподать какой-нибудь великий урок миру».

Ну, каково? Преподали-таки урок сто лет спустя после этого пророчества! А дальше что? Собрать силы для очередного подвига, от которого то ли воодушевится, то ли отшатнётся «всё человечество»? И это – наше роковое предназначение? А может, всё-таки сменит история непонятный гнев на непонятную милость, и попробуем мы жить бестрепетно и безропотно, то есть счастливо в каком-то сказочном смысле? Вынесем ли мы такое? Или это будем уже не мы?

А мы – как должны жить, имея за спиной такие виражи?

«Арзамасец» Сергей Уваров, ставший министром просвещения, оставил нам в наследство (и в поучение) знаменательную триаду. Вот из какого «затруднительного положения» он думал нас спасти:

«Мы, то есть люди девятнадцатого века, в затруднительном положении: мы живем среди бурь и волнений политических... Народы меняют свой быт, обновляются, идут вперед. Никто здесь не может предписывать своих законов. Но Россия еще юна, девственна и не должна вкусить, по крайней мере теперь еще, сих кровавых тревог. Надобно продлить её юность и тем временем воспитать ее. Вот моя политическая система... Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно».

Он-то умер спокойно, да вот нам как смотреть в глаза детям и внукам, которым предстоит то ли продлевать юность страны (навечно?), то ли преодолевать эту юность (какой ценой?).

Уваровскую спасительную триаду Никонов расширяет с помощью историка Степана Шевырёва: «древнее религиозное чувство», «государственное единство», «сознание нашей народности», – имея в виду, что «всякое образование может у нас тогда только пустить прочный корень, когда усвоится нашим народным чувством и скажется народной мыслию и словом».

Мыслию и словом пытаюсь освоить эту шевырёвско-уваровскую триаду с учётом нынешнего опыта и моих воззрений.

Православие? Да! Но не в узко-конфессиональном смысле, а в ощущении общей истины, которая охватит нашу историю, нашу страну, нашу жизнь и укрепит наше единство.

Единство – духовное, а не религиозно-церковное, то есть с пониманием неизбежно разных способов взаимодействия с Высшим началом, включая и мой, неизменно-атеистический (с вечным толстовским вопросом: если Бога нет, то что есть?)

Самодержавие? Сомнительно. Власть должна непрерывно и разумно обновляться не в САМО-удержании, а в зависимости от народного выбора. Выбор этот – в меняющейся исторической обстановке должен быть своевременным и рациональным. Ибо неразумно ожидать разумности от бесконечно меняющейся исторической обстановки. Надо вносить в неё разумность – насколько возможно. Самодержавие не ограждено от «самости» очередного

невольника, вознесенного наверх не волей народа, а неволей наследования. Поэтому мне ближе Единодержавие. Кто делает выбор, тот и «хавает» выбранное. То есть народ.

Вот, наконец, народ! «Народность». Это что? Всенародное Единство, общая судьба Отечества, общий смысл его Бытия – с непременным сохранением этнического своеобразия составивших его народов. Никакого «стирания» этнограней – этого нет и не будет! А будет (должно быть!) добровольное и при всей остроте несхожести! Эта несхожесть – признак неисчерпаемой природной живучести. И залог её.

При таком доосмыслении я с уваровской триадой согласен примириться (или, в стиле Никонова, – склонен согласиться).

Смущает другое: то, что эта триада (Православие, Самодержавие, Народность) надолго стала «символом очернительного консерватизма (формулирует Никонов – Л.А.), что являлось синонимом мракобесия для многих поколений либералов и революционеров».

Соглашаясь с этой формулировкой (выдержанной на этот раз не в стиле осторожной взвешенности, а в стиле агрессивной решительности), я задаю последний невыносимый вопрос: а такое крушение любой разумно взвешенной программы и переход в яростную атаку на то или иное очередное «мракобесие» – тоже неизбежность нашего русского стиля и характера?

Если так, то – повиноваться (неохотно) и постараться (спокойно) делать возможное добро вокруг себя...

«Спокойно»?

Не думаю. Покой нам только снится. Герцен вон спал спокойно, да декабристы разбудили его для таких дел, что на всех хватило. И «вокруг себя», и на урок «всему миру».

Точка невозврата?

Интереснейшая глава в книге Вячеслава Никонова! Называется «Россия и западная система». Посвящена вековому роковому вопросу о том, что же помешало России стать полноценной Европой.

В свете нынешнего обострения этого сюжета – из-за дележа земель в Донбассе – исторический аспект становится не менее актуальным, чем «санкции», с помощью которых Запад хочет нас вразумить.

Никонов прослеживает эту историю не только с присущей ему скрупулёзностью, но с ощущением сюжетного действия, которое втягивает читателя в почти детективное сопереживание: состоится ли? сорвётся единение Руси с Европой? А вдруг загадочный ход истории отвернёт нас к Востоку?

Разница менталитетов, как они сложились за истекшее тысячелетие, обозначена у Никонова (с опорой на многочисленные публикации предшественников) экономно и глубоко: Запад – это коммерческий космополитизм, представительное правительство и философский рационализм.

На Руси, соответственно, – я вижу коммерческий изоляционизм, правительство Божьей милостью, философствование не от ума, а от души...

Далее – акты драматического расчленения, срывы общения, крах контактов и – точка невозврата, «исторический водораздел», датируемый 1527 годом: поездкой Еремея Трусова к папе, которого, как на грех, прогнал с места бурбон Шарль (он же, уточню, Карл – герцог, коннетабль и прочая).

Это уже финал драмы. А до того – в XIII веке – срыв сближения: наши необозримые равнины поглощают силы монголов (смотри знаменитое письмо Пушкина), монголы остаются в Орде терзать Русь – Европа спасена, Русь обречена...

Далее – прозрение Александра Невского, почувствовавшего, что латинство для нас опаснее, чем монгольство, ибо Восток несёт рабство только телу, а Запад претендует поработить душу (формулировки Вернадского). Поняв это, Русь повернулась от Запада к Востоку.

«Папские послания Александр получил с большим опозданием – в то время он находился в Монголии, и, похоже, это путешествие определило его выбор, который был основан не только на соображениях вероисповедания. Как замечал его биограф Алексей Карпов, «увиденное на пути от Владимира к Сараю и Каракоруму и обратно произвело на Александра сильное впечатление: он убедился в несокрушимой мощи Монгольской империи и невозможности разоренной и ослабленной Руси противиться власти татарских «царей»... Известно, что в Орде с крайним подозрением относились к любым контактам русских князей с правителями Запада, – наверное, нежелание раздражать татар тоже повлияло на выбор князя». Продемонстрировав перед присланными к нему кардиналами Галдой и Гемонтом завидное знание Священного Писания, Александр Невский заявил: «от вас учения не принимаем».

Александр Невский не принял. Даниил Галицкий – принял. Принял корону из рук легатов папы, принял условия унии, принял власть папы (не над телом, а над душой). Баскак Куремса потребовал, чтобы Даниил «срыл укрепления», – тот не срыл. Отдал Галицко-Волынскую отчину в рабство Западу. И расхватили отчину соседи: угры, поляки и литовцы (формулировки Вернадского).

Киев – «мать городов русских» – осквернили ордынцы и прихватили латинцы; Новгород – «отец российских городов» – остался защищать честь и своеобразие Руси...

То ли Руси, то ли Скифии, то ли Сарматии... а в конце концов – Московии, появление которой после того как Орда отступилась от Руси, – изумило Европу. Особенно же – германскую Европу, которая, в отличие от Европы британской (и французской, и испанской), не участвовала в открытии Нового Света и потому приняла в качестве вектора своей геополитической воли – «Дранг нах Остен». (Мы этот дранг получили на свою голову в 1941 году).

Могло ли быть иначе? – думаю я, читая Никонова.

Ах, если бы... Тут опять Восток врывается в действие: османы и сельджуки превращают Византию в Турцию. Что лучше – Орда или Порты, выясняется не сразу. Византия больше не мешает Европе приручать Русь, зато мешают турки. В результате «Московия попадает в разряд открываемых европейцами регионов, наряду, скажем, с Америкой».

К концу XVI века всё кончено. Последняя попытка папы обрести дружество Московии – визит дипломатической тройцы, в числе коей надо отметить знаменитого (впоследствии) Сигизмунда Герберштейна. Василий III от унии уклоняется; ответный визит от нас к папе год спустя срывается из-за «конфуза»: папа Климент VII спасается от бурбона Шарля, и говорить не с кем: контакты Руси и Европы оборваны.

«Это был тот исторический водораздел, когда прекратились попытки вовлечь Россию в западную систему в качестве вассала, и началось общение с ней как с противником, создание ее образа – неизменного до настоящего времени – как варварского, дикого, безбожного, отсталого, враждебного...»

Сигизмунд Герберштейн через пару десятков лет (уже при Грозном, но до опричнины) публикует свои замечательные «Записки о Московии» (до конца века – 22 издания!), где о нас сказано, что религиозность наша – еретическая, власть – рабская и жестокая, нравы – дикие...

Финал – по всем законам драматургии – озвучен Иваном Грозным, имя Лютера он предлагает читать по-русски – как «лютый»...

Мой вопрос по ходу чтения этой увлекательнейшей драмы: произошедшее неизбежно? И если какой-то там бурбон не сорвал бы нам переговоры с папой – точка невозврата не обозначилась бы с такой непоправимостью? И нам не пришлось бы – в противовес европей-

скому презрению – выработать у себя «комплекс самоизоляции» как реакцию на постоянные угрозы Запада?

Я склонен отвечать на этот вопрос скорее отрицательно, чем положительно (формулирую с осторожностью, как и Никонов). Я думаю, что наше геополитическое соотношение с Европой зависело не от бурбона Шарля, баскака Куремсы и даже Грозного царя, – хотя в конкретных условиях исторического действия и от них тоже, – глобально зависело это несхождение России и Европы от тысячелетнего расхождения условий жизни. Как, впрочем, и несхождение наше с Востоком. Мы возникли между этими «жерновами» по причинам, от бурбонов и баскаков не зависящим.

Это, во-первых, географическая среда – безграничье Евразийской равнины, непредсказуемый диалог леса и степи. Во-вторых, пёстрый состав племён, обречённых сжиться на этой равнине. В-третьих – тысячелетний опыт драматического сживания под общей крышей – опыт неотменимый.

Исследование Никонова в целом имеет предметом именно эту многоуровневую матрицу нашего самоосознания.

Конкретно же: в оценках европейского рая и азиатского ада можно быть пессимистом или оптимистом, западником или славянофилом, потрясателем или охранителем. Я в эти фракции не вхож. Потому что – фаталист.

Если суждено русскому медведю поворачиваться между крутыми соседями, то это фатально. Стоит медведю (то есть нам) повернуться к Востоку, как с Запада вцепляются в его зад (то есть наш) вчерашние цивилизаторы: вдруг какими-нибудь «санкциями» удастся что-то урвать?

Закрываю главу никоновской «Матрицы» с читательской благодарностью. Бог если с нами, то Майдан пусть будет с ними.

Культурология

Анатолий Апостолов

Анатолий Геннадьевич Апостолов (род. 3.06.1943) – русский писатель, поэт, историк, публицист, действительный член Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения.

Автор нескольких книг стихов и прозы: «Из глубины нездешней» (М., 1998), «Мучительно хочу быть человеческим» (М., 1999), «Об известном и забытом» (М., 2000), «Как продать ближнего. Донос как способ существования» (М., 2003), «Высокое предназначение» (М., 2005).

В сборнике стихов и прозы «Озябший ангел» (М., 2007), удостоенном МГО Союза писателей РФ ордена им. Маяковского как лучшая книга 2008–2011 гг., представлен весь спектр его религиозно-философских и своеобразных мировоззренческих переживаний.

Книга Памяти «За Храмовой стеной» (М., 2013) удостоена Московской городской организацией СП РФ литературной премии «Лучшая книга 2013 года». Книгу предваряет эссе «Слово об ушедших в Вечность», посвящённое героям эпохи: историкам и теософам (М. Бим-Бадю, В. Никитину, А. Смирнову); писателям-мыслителям и философам новейшей истории – А. Зиновьеву и А. Солженицыну. По своему содержанию новый сборник стихов «За Храмовой стеной» – является прямым продолжением темы высокого предназначения человека и своеобразной данью памяти тех людей, на чью долю такое предназначение выпало.

Роман «Княж-Погост» – это своеобразная исповедально-психологическая хроника «Красной Ямы», наполовину документальная быль о тотальном насилии над людьми своего народа.

Отдельные главы романа опубликованы в журнале «Поэзия» (2004), альманахе «Дом Ростовых» (2006), в книге «Озябший ангел» (2007).

Роман А.Г. Апостолова в самой сердцевине несёт мысль о губительности всех видов насилия как в отдельно взятой стране, так и во всех странах мира. Это роман о духовно-нравственном гнойном нарыве смертельной опасности, перед которым бессильна самая интенсивная терапия.

Автор романа даёт понять, по каким «экономическим лекалам» был скроен наш нынешний мир в прошлом веке, откуда берут своё начало все наши сегодняшние беды, пороки и грехи.

Все эти живые и документальные свидетельства очевидцев эпохи можно прочитать по желанию со знаком «плюс» и со знаком «минус». Здесь всё зависит от установки к такому прочтению, от умения различать в истории уникальное и типическое, видеть историю с

помощью своей природной оптики, оценивать события прошлого своей нравственной нормативностью.

«Литературное творчество А.Г. Апостолова продолжает традицию постсоветского авангарда пессимистического направления, в основе которого лежит своеобразный пассионарный пессимизм, выражаемый девизом «Не жалость к себе, а воля к борьбе». Воля к борьбе с тотальным злом, с душегубами нашего времени».

Поэт, историософ, просветитель и общественный деятель Михаил Фридман.

Математическое стиховедение

Сергей Бобров + Андрей Колмогоров + Алексей Маркушевич – уникальное трио научного творчества.

Где высоко стоит Наука,

Стоит высоко Человек!

Андрей Подолинский (1806–1886)

Прошлое пристально смотрит в грядущее глазами великих людей прошедших эпох, и каждое яркое знаковое имя живет не только в своём времени, но и во временах последующих, и нуждается в этой жизни в своём ангеле-хранителе. Все мы, без исключения, дети времени, его порождение и его жертвы, и не все из нас в поминальную субботу поют в церковном хоре «о всех, забывших радость свою... о том, что никто не придёт назад...» (Александр Блок).

Тысячу раз прав апостол Павел – «время сгущается, время сжимается». И не надо смеяться над этим, дорогие мои друзья, не надо сравнивать время со сгущенным молоком, как это вы не раз писали мне в своих иронических посланиях. Наступит пора, и вы ужаснётесь бегу своего времени и весьма огорчитесь, как огорчаюсь и сокрушаюсь сегодня я! Время стремительно набирает скорость. Ещё недавно моя неделя состояла из пяти дней, а сейчас из трёх – понедельника – пятницы – воскресенья! Скорость времени приближается к скорости света, и вот уже настал момент Истины – вечно голодный Хронос (Кронос) сжирает своих детей. Вспоминается цикл подлинных гравюр Гойи «Капричос» и эта страшная его гравюра, которую я впервые увидел в домашней библиотеке выдающегося математика, педагога, библиофила и знатока первопечатной и рукописной книги Алексея Ивановича Маркушевича.

Вспомнил я этот жуткий образ времени, созданный великим испанцем, в день смерти великого певца умирающей русской деревни Валентина Распутина и в день рождения великого физика Жореса Алфёрова, которому исполнилось 85 лет, и страшно стало мне перед стремительно летящим Временем и стремительно уходящей в Вечность эпохой. Вспомнилось мне «Архимедово лето» Сергея Боброва и «Математическое стихосложение» Андрея Колмогорова и «математическая поэма о гармонических рядах чисел» Алексея Маркушевича. В последние десять лет, когда меня стали волновать вопросы историософии и связанные с ними идеи мирного сосуществования науки и религии, а также сама природа научного творчества с её вероятностным симбиозом поэтической лирики с поэзией точных и бесконечных чисел, я всё чаще вспоминал Сергея Павловича не как поэта, а как поэта-математика и статиста-пропагандиста математических знаний среди пытливого юношества. Пришлось вспомнить и других людей, имена которых стал стремительно забывать. Это было недавно, это было давно! Я вспомнил этих замечательных и таких разных по своему складу людей совсем не случайно, ибо сейчас редко и почти невозможно встретить такое тесное, бескорыстное, творческое трио людей науки и искусства на почве педагогики и популяризации точных наук. Почти полвека прошло с той поры, а этот удивительный творческий союз людей науки до сих пор будоражит и вдохновляет мою память... Почему так? Да потому что любое творчество, в том числе и научное, зиждется прежде всего на высокой общественно полезной цели на базе просветительства и самообразования. Общей творческой площадкой

этого уникального трио стала в начале 70-х годов работа по изданию «Детской энциклопедии» (в 12 томах) под редакцией академика АПН СССР А.И. Маркушевича (1).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.